

СТРАННАЯ
ПТИЦА

×

МЕРТВЫЕ

АСТРО

НАВТЫ

ДЖЕФФ

ВАНДЕРМЕЕР

fanzon

Fanzon. Большая фантастика

Джефф Вандермеер

**Странная птица.
Мертвые астронавты**

«ЭКСМО»

2018, 2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вандермеер Д.

Странная птица. Мертвые астронавты / Д. Вандермеер —
«Эксмо», 2018, 2019 — (Fanzon. Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-111760-3

Добро пожаловать в Город без названия. В тень всемогущей Компании, туда, где живут люди и Иные – слившиеся ужасающими и чудесными способами. Синий Лис, мессия, который скользит через лабиринты времени и пространства с таинственной целью. Бездомная женщина, одержимая демоном, ищет ключ в странном дневнике. Гигантский Левиафан, скрывающий тайну памяти, возможно не своей собственной памяти. Три мятежника, которые ведут бесконечную войну за судьбу мира против всемогущей Компании. Безумец, который блуждает в бреду по пустыне, затерянной в прошлом, преследуемый своим собственным творением: невидимым монстром, имя которого он забыл и цель которого остается скрытой. Добро пожаловать в Город, в котором на кон поставлена судьба будущего, судьба Земли – всех Земель.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111760-3

© Вандермеер Д., 2018, 2019
© Эксмо, 2018, 2019

Содержание

Странная птица	6
Первый побег	7
Темнокрылы	9
Первый сон	12
Буря	13
Плен	15
Путники в ночи	18
История Старика	19
Секрет Старика	21
Второй сон	24
Второй побег	25
Город	27
Нетопырь	30
Обсерватория	32
Третий сон	34
Преображение	35
Четвертый сон	39
Плащ и время	40
Компас Морокуны	42
Остров	44
Синий Лис	47
Крайние дни	49
Пятый сон	51
На что надеяться?	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джефф Вандермеер

Странная птица

Мертвые астронавты

Jeff VanderMeer

DEAD ASTRONAUTS: A Novel by Jeff VanderMeer

Copyright © 2019 by VanderMeer Creative, Inc.

THE STRANGE BIRD: A Borne Story by Jeff VanderMeer

Copyright © 2018 by VanderMeer Creative, Inc.

Published by arrangement with MCD, an imprint of Farrar,

Straus and Giroux, New York

Перевод Григория Шокина

Дизайн Елены Куликовой

Серия «Большая фантастика»

© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Странная птица

Посвящается Энн

Первый побег

Первая мысль Странной Птицы была о небе над океаном, которого она никогда не видела, в месте, далеко от омытой огнем Лаборатории, из которой она спаслась, – заслоны клетки пали, разбились, но ее чудесные крылья уцелели. Долгое время Странная Птица не знала, что есть небо на самом деле; когда она летела по подземным коридорам в темноте, уклоняясь от стреляющих друг в друга фигур, то даже не подозревала, что ищет выход. Но вот в потолке открылся проем, что-то зашуршало и заскреблось снаружи на крысиный манер, и тогда Птица сбежала по-настоящему, воспарив из дымящихся руин, оставшихся далеко внизу. И даже тогда она не знала, что небо голубое и что такое солнце, потому что она вылетела в прохладный ночной воздух, и всем ее удивлением завладели лучи света, которые вспыхивали в темноте наверху. Но потом ее охватила радость полета, и она поднималась все выше и выше, и ей было все равно, кто ее увидит, что ждет в блаженстве свободного падения, скольжения и безграничного простора.

О, если это и была настоящая жизнь, тогда она еще ни минуты не жила!

* * *

Восход солнца, занявшийся на горизонте над пустыней, на фоне обжигающе-голубой стены, ослепил ее, и от удивления Странная Птица сверзилась со своего насеста на старом мертвом дереве на песок внизу.

Какое-то время Странная Птица держалась низко над землей, расправив крылья, боясь солнца. Она чувствовала зной песка, его зуд, чувствовала ящериц, змей, червей и мышей, которые жили внизу. Она рывками пробиралась по пустыне, что когда-то была дном великого моря, не зная, стоит ли ей подниматься выше, страшась превратиться в тлеющий уголек.

Далеко ли тот свет, или совсем близко? А вдруг это прожектор из Лаборатории, где ее, конечно же, хватились? А солнце все еще всходило, и она все еще была настороже, и воздух дрожал, скорпионы шуршали, какая-то тварь на далекой дюне поймала маленькое существо, отпрыгнувшее от нее недостаточно далеко; воздух пах золой и солью.

Я что, во сне? Что будет, если я сейчас прыгну в небо? А должна ли я?..

Даже под палящим солнцем ее крылья, казалось, становились сильнее, а не слабее, и ее волоочащийся след становился смелым, менее похожим на последствие сломанного крыла и более – на сознательный выбор. Рисунок ее крыла на песке напоминал послание, которое она писала сама себе. На память. Но – на какую именно память?

Звук топота лап, вздымающих песок, поверг Странную Птицу в панику, и она забыла свой страх перед горящим шаром и поднялась в воздух почти вертикально вверх, вверх и вверх, и никто не причинил ей вреда, и синева окутала ее и прижала к себе. Кружа супротив ветра, надевая крылья силой, она заметила двух лис, которые вынюхивали ее след.

Они смотрели на нее снизу вверх, тявкали и виляли хвостами. Но Странную Птицу на мякине не проведешь. Она грозно спикировала на них раз-другой, забавы ради, и посмотрела, как они визжат и тарашатся на нее с обиженным выражением в глазах, за которым никак не сокрыть холодный расчет и хищный оскал.

Затем она снова развернулась и, стараясь не смотреть прямо на солнце, направилась на юго-восток. На западе находилась Лаборатория – место, где производили столь прекрасные и вместе с тем столь ужасные вещи.

Так куда же она направлялась?

Всегда на восток, всегда на юг, потому что в ее голове был компас, настойчивый компас, влекущий ее вперед.

На что она надеялась?

Найти цель и проявить доброту, которая еще не была проявлена к ней.

Где она хотела бы отдохнуть?

В месте, которое она могла бы назвать домом. В месте, которое было бы безопасным. Там, где могли бы быть и другие из ее рода.

Темнокрылы

На следующий день на горизонте рядом с солнцем затрепетал и зашумел город. Жара была такой сильной, что он не переставал трепетать в волнах света. Видом своим напоминал он сотню Лабораторий, сложенных друг на друга и рядом друг с другом, и все эти непрочные конгломераты, казалось, вот-вот упадут и рассыпятся.

Вздвогнув, Странная Птица повернула на юго-запад, затем снова на восток, и через некоторое время могучий город растаял в полосах и кругах тьмы на песке, а затем исчез. Неужели солнце уничтожило его? Может, то был какой-то призрак? Само слово «призрак» отдавалось в ее голове чем-то незнакомым, но она знала, что от него веет смертью.

Неужели Лаборатория превратилась в призрак? Нет, только не для нее.

На седьмой день после того, как чужаки прорыли себе путь в Лабораторию, ученые, отрезанные от поставок и посаженные в комнате, где располагался искусственный остров, предназначенный только для их творений, начали убивать животных, которых сами создали, дабы прокормить себя.

Странная Птица сидела в безопасности на крюке под потолком и наблюдала, зная, что может стать следующей. Барсук, который смотрел вверх, мечтая о крыльях. Коза. Обезьяна. Она взидала на них и не отводила взгляда, потому что отвести взгляд значило быть трусихой, а она не была трусихой. Она должна была предложить жертвам какое-то утешение, каким бы бесполезным то ни было.

Все добавленное к ней и все отнятое привело к этому моменту, и со своего насеста она лучилась любовью ко всем животным, коим не могла помочь, и холодным ничем – ко всем присутствовавшим людям.

И даже в тех ее частях, что были человеческими, ничто не отзывалось.

* * *

Она встретила своих первых птиц в дикой природе вскоре после того, как покинула город-призрак, прежде чем снова повернуть на юго-восток. Три больших и темных корабля плыли по течению высоко над ней, а еще ближе – стайка крошечных птиц. Она пропела им свою песню – дружеское приветствие, признание их родными, весть о том, что хоть она их и не знает, но очень любит. Но маленькие птички, остроглазые, роящиеся будто единое целое, поднимавшиеся и опускавшиеся – как волна или призрачная тень, выписывающие пируэты в воздухе... не признавали в ней родню. В ней было слишком много чуждого.

Странную Птицу они сочли за врага. Надсадно чирикая и отчаянно полоща крыльями по воздуху, они кинулись клевать ее. Сбитая с толку, Птица решила поднырнуть под их стаю, но они последовали за ней, щипая и вереща, облепляя ее разгневанным плащом, щекоча ее своими жирными перьями.

Вскоре, не в силах больше терпеть боль, Странная Птица с пронзительным криком оборвала пикирующий маневр – и быстро вознеслась ввысь, прокладывая туннель сквозь колодцы холодного воздуха, отягощенные разгневанными сородичами. Вскоре все они, не в силах следовать за ней на такую высоту, начали отпадать – одна птичка за другой. Остатки стаи собрались темным облаком внизу. Стылый ветер доносил до нее запах металла, и мир предстал перед ней полномасштабно – теперь она видела, что у пустыни был-таки конец и край, что как минимум с одного края пустыня переходила в лесистую зеленую местность. Слабый, но острый запах морской соли дразнил Странную Птицу. Он был еле уловим, но стрелка компаса, что был внутри нее, сдвинулась с мертвой точки под действием пусть даже и слабого раздражителя.

Но теперь три темнокрылых монстра, что дрейфовали еще выше ее самой, окружили Птицу с двух сторон. Перья на концах их широких крыльев напоминали длинные пальцы, но на голове никакого оперения не было вовсе, и из окантовок серой сморщенной плоти на нее взирали кроваво-красные глаза.

Какое-то время они, вольготно влекомые ветром, летели беззвучно, и Странной Птице даже нравилась компания этих крылатых. Но вот забили тревогу тонкие чувства, отозвались неприятным покалыванием – темнокрылые компаньоны прощупывали границы ее разума, изучали те защитные барьеры, что воздвигли внутри нее ученые. Барьеры, о существовании коих Странная Птица даже не подозревала, вступили в игру, оставив лишь один просвет для ее сознания и окружив все остальное неприступной редутной стеной.

Происхождение?

Цель?

Пункт назначения?

Слова, возникшие буквально из ниоткуда, были помещены ей в голову темнокрылыми летунами. У нее не было ответа, но, приблизившись к ней, они открыли себя – и поскольку они были старше, они еще не чувствовали опасности, не уловили, как сложные механизмы в Странной Птице нарушили их собственные барьеры. Многое из того, что было в них нового (то есть полученного своею волей), возникло лишь с целью становления коммуникационной автономности – почти как у настоящих птиц.

А Странная Птица поняла, что темнокрылы не были птицами в строгом смысле слова – и, в отличие от нее, частично вовсе являлись неорганическими. С ужасом она поняла, что, подобно живым спутникам, они кружили вокруг Земли в течение огромного количества времени – столь многих лет, что она едва могла удержать цифру в голове. Она видела, что им было поручено наблюдать сверху и передавать информацию в страну, которая больше не существовала: приемная станция была разрушена давным-давно в ходе войны, что подошла к концу еще давнее.

В своей беззащитности, выполняя старые задачи, сохраняя данные до полного исхода, стирая какую-то их часть и записывая по новой, Странная Птица собирала картину ушедшего мира. Наблюдала, как города рушатся внутрь и разлетаются осколками наружу, взорванные в самом сердце, развороченные (разверстые – но разве это не одно и то же?) точно бутоны. И вот появилось нечто, следящее с вышины, в часы света яко в часы тьмы – беспристрастное и бессловесное, не склонное к осуждению... ибо кого осуждать? Как привести приговор во исполнение теперь, когда все виновные мертвы и похоронены? Но из всех этих свидетельств Странная Птица узнала, что Лаборатория, как ни странно, служила убежищем... только не для животных, которых там держали.

Темнокрылы не нуждались в пище. Их никогда не обурежала жажда. Они беспрерывно летали и беспрерывно сканировали землю под собой, и никогда их когти не сдирали с окуная чешую, никогда в клювы их не ложилась пища. Эта мысль вызвала у Странной Птицы почти человеческую тошноту.

– Мне освободить вас? – спросила она, в каком-то смысле желая освободить и целый мир, что был сокрыт в темнокрылах.

Ибо она понимала, что это возможно, что при верно подобранной директиве жестко заданные орбиты перестанут тяготить темнокрылов, и они научатся думать сами, и вернуться к истокам далеко внизу. Чем они займутся после – Птица не знала, но освобождение, думала она, наверняка принесет темнокрылам утешение.

Но запрос встревожил темнокрылов, запнулся о внутреннюю систему безопасности – и все трое испустили могучий крик, и прямо там, рядом с ней, взорвались пятнами черноты, которые, как она могла видеть, были миниатюрными версиями их больших «я», и пятнышки рассеялись в разреженном воздухе. Темнокрылы исчезли, как будто их никогда и не было, а

сердце Странной Птицы забилося быстрее, и она взлетела еще выше, будто могла убежать от того, что видела.

То ли через день, то ли через неделю пятнышки найдут друг друга и снова свяжутся вместе, скользнут в старый, знакомый узор – и снова три темнокрыла станут бороздить кожу мира, следуя невидимым морщинам на этой невидимой коже, выполняя приказы погибших давным-давно хозяев. Так они прослужат еще век-другой, эти живые мертвецы, пока то, что их питает, не состарится, пока органическая их часть не истлеет.

Но даже когда частицы разлетались по сторонам, влекомые порывами ветра, летуны-темнокрылы общались друг с другом. Странная Птица слышала разговоры их разобщенных целостностей, они делились собранной о ней информацией, говорили нечто наверняка лживое.

>> Анализ: ДНК птиц, homo sapiens, некоторых других наземных форм жизни. Гибрид нестабилен.

>> Миссия: в высшей степени неопределенная; несоответствие синаптической карты оригинальному дизайну: стопроцентная вероятность наведения помех.

>> Вывод: имеются неизвестные директивы; происхождение и намерения не ясны.

>> Предписание: не вступать в контакт кОн-такт 0-такт 0 0 0 0.

В сумерках она нашла насест на ржавом корпусе корабля, увязшего в пустыне полвека назад. Она очень устала. Печаль охватила ее, когда, дрейфуя в небесном просторе поверх пустыни, она стала замечать, что впереди – все меньше песка и все больше нагромождений ржавой электроники: древние рукотворные караваны легли ничком в дюнах и замерли навек.

Вместе с печалью пришло осознание собственного потенциального могущества – ведь она, Странная Птица, почти так же велика, как темнокрылы! Ее лапы когтисты; когти служат для того, чтобы резать, рвать, полосовать. Ее клюв острый и изогнут. Она не нуждалась в пище, как обычные птицы, ну или, во всяком случае, не нуждалась так же часто – и в этом подобна была темнокрылам.

По мере того, как давала о себе знать сокрытая до поры ночная жизнь, а ветер дул все медленнее, но становился притом сильнее в порывах, запах животного мускуса набирал мощь – а вместе с ним и дурной металлический привкус, побочный продукт вековой нечистоты. Станный птичий организм постоянно очищал себя от наваждений, от смертоносных частиц, что были еще меньше по размеру, чем слагаемые темнокрылов.

И столь же естественен, сколь вдох-выдох для легких, для сознания Странной Птицы был прилив-отлив истории окружающего ее мира – в мельчайших подробностях. Например, под кораблем, на который она уселась, были погребены и многие другие ему подобные – в море песка, что когда-то было морем соленой воды. Потенциальная глубина этого места едва ли умещалась в восприятии – воистину, мир умел ошеломлять.

В Птице пробуждались новые способности – такие, о каких она и не подозревала. Они то вспыхивали, то гасли, словно Лаборатория еще не закончила трудиться над ней. Если бы она попыталась, то смогла бы дотянуться до края мира, могла бы почувствовать пульсацию жизни во всех направлениях даже из-за заслона, даже сквозь страдания, даже на грани смерти – на самом ее краю.

Странная Птица попробовала заснуть, но сон ее был чуток и неглубок, потому что где-то внутри нее находился глаз – извечно бодрствующий, всегда открытый.

Первый сон

Во сне Странная Птица видит женщину с черными волосами и коричневой кожей, которая очищает кусок фрукта, яблоко, взятое из крытого сада, нарезает его и кладет кусочки в миску. Эту женщину она знает по Лаборатории, ее зовут Санджи. Женщина передает чашу другой женщине, очень похожей на Санджи, но выше и с более округлым лицом, сидящей на диване рядом с ней. Она каким-то образом знает, что подруга Санджи раньше тоже работала в Лаборатории, но ушла задолго до того, как Странная Птица сбежала сама.

Перед ними проплывает голограмма других людей, которые разговаривают и ходят. Женщины смотрят, шутят и смеются. Странная Птица видит Лабораторию, раскинувшуюся за ними – все еще чистую, новую и свежую. Свет все еще работает. Там все еще много еды.

Санджи кормит кусочком яблока свою спутницу и говорит:

– Я спасаю тебя от плохих яблок. Такова моя работа. Все эти годы я – единственная причина, по которой ты не умерла, съев дурной плод. Я – все, что лежит между тобой и такой вот незавидной участью.

Другая женщина смеется и сжимает ее руку, и второе имя вырисовывается в голове у Странной Птицы, но когда она просыпается – уже не может вспомнить его.

Только ощущение покоя. Только хрустящий вкус яблока.

Буря

Направляясь все дальше на юго-восток через бескрайнюю пустыню, Странная Птица думала, что мир внизу выглядит таким старым и изношенным. Только когда она поднялась на нужную высоту – смогла притвориться, что он прекрасен.

Странная Птица старалась не думать о своих снах на лету, потому что не могла понять их смысла, да и едва ли знала, что такое сон, потому что он не вписывался в ее внутренний лексикон – ей было трудно удержать в голове сами концепции реального и нереального.

Жалкие беспокойные голограммы час от часу навешали мертвый ландшафт пустыни, выполняя подпрограммы из времен столь отдаленных, что уже нельзя было сказать, имелся ли в их действиях некий изначальный смысл. Человеческие фигуры расхаживали там и сям, но состояли они из простого света. Порой они обряжались в специальные защитные костюмы или скафандры астронавтов. Они тащились или бежали по песку, совсем как настоящие, а затем рассеивались, а затем – снова появлялись в изначальных положениях, чтобы тащиться или бежать вновь... и так – без конца.

И все же, наблюдая за ними, Странная Птица вспомнила свой сон, а также то, как с нее на землю пустыни падали ошметки. Крошечные частички ее самой были ей более не нужны, и этого она не понимала, потому как способ, которым тот материал покидал ее, был слишком отработанным, чтобы являть собой случайность. Птица знала, что чудо-компас внутри нее как-то отвечает за распределение этого расходного материала. Всякий раз восстанавливала она микроскопическую утраченную часть себя – чтобы можно было потерять ее снова.

В Лаборатории ученые еженедельно брали у нее пробы. Каждый день она теряла что-то от себя. Еще хуже было, когда они что-то добавляли, и тогда Странная Птица чувствовала себя неловко, словно приспособляясь к лишнему весу, и, потеряв равновесие на насесте, часами полоскала воздух крыльями, покуда сызнова не успокаивалась.

* * *

На пятый день, как только Странная Птица освоилась с этим процессом – и с солнцем, и с голограммами, и с городами, и с более высокими холмами, где ветер был на диво стыл, – облако затмило край мира, быстро приближаясь к ней. Она еще не сталкивалась с бурями, но знала о бурях, и что-то внутри нее было запрограммировано на уклонение от них. Но облако надвигалось на нее слишком быстро, и охватывало слишком много, и только в последнюю секунду Птица поняла, что никакое это не облако, а рой изумрудных жуков. Стрекот, жуками теми издаваемый, перепугал Птицу не на шутку.

Она попыталась нырнуть в укрытие, но неверно оценила расстояние, и рой настиг ее, подобно стене, и она врезалась в него, потеряла контроль над своими крыльями, провалилась сквозь плотный шквал жуков, затормозила о заслон их панцирей, выпрямилась вовремя, дабы опустить голову и тараном, с закрытыми глазами, прорваться сквозь них, невзирая на перья, выдираемые челюстями жуков, и колкие укусы в живот.

Свобода от роя, наступившая гораздо быстрее, чем ожидалось, принесла ей дивную легкость, и Птица окунулась в воздушный приливный бассейн, образованный ее прорывом. Но миг иллюзорной свободы был краток. Теперь стала понятна причина паники роя жуков – *настоящий* шторм, охвативший горизонт и стремительно приближающийся.

Те аварийные системы ее организма, которые жуки не смогли поставить на уши, тут же встали на уши. Защитные третьи веки полупрозрачной пеленой скользнули на глаза, ушла эхолокация – теперь Птица полагалась на трассирующие инфракрасные лучи в самой гуще вихрящейся непогоды.

И буря грянула в полную мощь, и накрыла ее, и некуда было от нее деться. Никакого плана спасения, никаких защитных мер – только чудо-компас пульсировал внутри нее. Ветер терзал тело Птицы, налетая буквально отовсюду, атакуя со всех направлений, и она отчаянно пыталась сохранить его в целостности, не распасться на куски.

Но вот силы оставили Странную Птицу, и она отдалась воле ветра. Она успела издать пронзительный крик, прежде чем что-то темное и тяжелое вынырнуло ей навстречу прямо из бури. Возможно, в крике том прозвучало чье-то имя – прежде чем удар, выбивший из Птицы сознание, отшвырнул ее в колодец турбулентности. Позже она не смогла вспомнить, было ли так на самом деле.

Да и кого она могла позвать на помощь? Помочь ей было некому... ведь так?

Плен

Когда Странная Птица пришла в себя, в голове у нее звенело. Она обнаружила себя в переоборудованной тюремной камере в здании, замеченном песком. Лишь узкая, фут длиной, щель окна наверху, под самым потолком, выдавала присутствие солнца. Все было темным и твердым – скамья, вделанная в стену, похожая на длинный и широкий сундук с сокровищами, была тверда, стены были тверды, а того тверже были черные прутья, увитые проволокой и укрепленные деревянными досками. Кто-то не хотел, чтобы она отсюда выбралась. И ничего мягкого, на что можно было бы отвлечься, отрешиться от всей этой твердости. Ни намека на зелень или на какую-то другую жизнь, которая могла бы ее утешить.

Запах, донесшийся до Странной Птицы, был вонью смерти, распада и неисчислимых лет страданий, а тускло освещенный вид, открывшийся перед ней за решеткой, напоминал длинную низкую комнату, заставленную странной мебелью. В дальнем конце арка двери вела в еще более густой мрак.

Странная Птица запаниковала. Ужас обуял ее. Снова – Лаборатория; вернули-таки. И выхода теперь не было. Прощай, небо. Она забила крыльями, завизжала. Скатилась со скамьи на голый земляной пол и легла там, распластав крылья и раззявив клюв, стараясь показаться большой и страшной.

Затем зажегся свет, мрак рассеялся, и Странная Птица увидела своего похитителя. Его она прозвала про себя Старик.

Усевшись на перевернутом ведре близ тухлявого стола, он наблюдал за ней. Комната – довольно-таки протяженная, судя по всему, – большей своей частью все еще скрывалась во мраке.

– Мой бог, да ты прекрасна! – сказал Старик. – И как же я рад, что здесь, в этом месте, хоть что-то прекрасное появилось...

Странная Птица смолчала в ответ. Она не хотела, чтобы ее похититель знал, что она понимает человеческую речь – и даже может, если хочет, говорить. Дабы навести тень на плетень, она стала визжать по-птичьи и бездумно хлопать крыльями. Старик, похоже, взаправду восхищался ее выходками. Но она держала за ним глаз да глаз.

Со временем Старик замкнулся в себе. У него была смуглая кожа, но розово-белые пятна на руках и лице, как будто что-то давным-давно обожгло его. Лишь один глаз остался цел, и именно поэтому, когда Старик смотрел на нее, взгляд его казался сосредоточенным и как бы сконцентрированным, неприятно пронизывающим. Его борода поседела, и поэтому он всегда выглядел так, словно тонет – у подбородка клубилась морская пена, а на обожженном носу и заостренных скулах виднелись белые пятна. На нем была тонкая одежда (рубашка? Кто знает) и пояс, с которого свисали инструменты, наиболее приметным из которых выступал ржавый нож с длинным и плоским лезвием.

– Я спас тебя из песков. Ты была похоронена там – только голова и торчала наружу. И повезло же тебе со мной! Буря низвергла тебя с неба, и лисы с ласками непременно бы съели тебя. Стала бы деликатесом в чьем-то брюхе.

Странная Птица решила, что Старик не очень-то похож на ученого из Лаборатории. Он говорил не так, как подобает ученому, да и дом его не напоминал какую-нибудь очередную экспериментальную базу, как она могла видеть. Так что она успокоилась, расслабилась даже. Сломанных костей она не чувствовала – ушибы да растяжения, но и только. Те перья, что у нее выдрал ветер, отрастут вновь. Прихорашиваясь, она нашла у себя пару жучков и клювом раздавила их, пока Старик говорил:

– Меня зовут Абидахан. Я был плотником, совсем как мои отец и дед. Но теперь-то я много кем успел побывать. Сейчас я, например, писатель. – Он указал на древнюю пишущую

машинку, стоявшую на шатком столе. Странной Птице та напомнила маленькую черепаху из металла, чьи внутренности были вытащены напоказ. – Все пишу свою летопись. Доверяю все бумаге. И когда говорю «все» – то и имею в виду. Никаких исключений.

Старик уставился на Странную Птицу, словно ожидая ответа, коего не последовало.

– Я сплю в камере, когда у меня нет гостей, – сказал старик. – Тюрьма вокруг нас и под нами – многоуровневая. Когда-то я был здесь пленником, очень давно, так что я знаю. Но это уже совсем другая история. Старая-престарая, и тебе о ней лучше не знать. И кому бы то ни было еще – тоже.

Хотя тюрьма была огромна, и ветер во время песчаных бурь гулял в ее бесчисленных камерах, Странная Птица узнала, что весь быт Старика сосредоточен в этой продолговатой комнате. Именно ее он избрал для жизни – все остальное не имело значения.

– Я здесь один, – промолвил Старик, – и мне это по нраву. Но принимать иногда гостей – хорошая идея. Ты моя гостья. Когда-нибудь я покажу тебе здешние земли, если ты будешь хорошо себя вести. Как по мне, даже в таком месте хорошему гостю стоит придерживаться некоторых хороших правил.

Но упомянутые правила Старик никогда не озвучивал, и Странная Птица уже видела три креста, что стояли на песке снаружи, и решила, что были то насесты для других птиц, что давно умерли. Она видела крошечный садик и колодец рядом с крестами, потому что снова включила эхолокацию и забросила свои чувства темной сетью в сверкающее море – поймать все, что лежало за пределами ее камеры. Колодец и сад представляли собой опасность, даже и замаскированные под заброшенные, неухоженные, ненужные.

– Я Абидахан, – повторил Старик, – а тебя я нареку Айседорой, потому как ты – самая ослепительная птица, которую я когда-либо видел, и тебе потребно столь же ослепительное имя.

* * *

Так, на время, Странная Птица сделалась Айседорой. Она откликалась на это имя как могла – когда старик кормил ее объедками и когда удумывал читать вслух сказки из книг... сказки, совершенно ей непонятные. Она решила, даже задумав побег, притворяться хорошим и покладистым домашним животным.

Но в Лаборатории ученые держали ее при особом освещении, имитировавшем солнце, подпитывавшем ее по-своему. Теперь же, когда от света ей предоставлялся лишь слабейший намек на оный, она чувствовала себя обделенной.

– Ты должна есть больше, – говорил ей старик, но та еда, которую он приносил, часто вызывала у нее отвращение.

– Жизнь трудна, – говорил старик. – Все так говорят. Но смерть – еще труднее.

Он говорил это и смеялся, говорил как утратившую смысл присказку. Странная Птица решила, что кто-то когда-то передал ему эти слова, и Старик так и остался пребывать в тени сказанного. Смерть – еще труднее... вот только она ничего не знала о смерти, кроме того, что видела в Лаборатории, а потому – не знала, правда ли это. Ей хотелось лишь одного – уйти от Земли и живущих на ней людей как можно дальше. Воспарить как можно выше – туда, куда тянет, в самый зенит, и делать там, где ее никто не достанет, все, что душе угодно. Сызнова уменьшить людей до предпочтительных размеров – размеров далеких призраков, что влачат свою тяжкую память, исчезают и появляются вновь, застрявшие в цикле вечного возврата и совершенно неважные.

* * *

За дюной, где укрывался Старик, лежал разрушенный город, огромный, запутанный и опасный. В пределах этого города двигались призрачные очертания монструозных фигур, которые Странная Птица не могла разглядеть издали. Из них кто-то жил под землей, кто-то – в руинах, а кто-то – в небе над руинами.

Ближе, запечатленный в перекрестье ее дополнительного восприятия... лис на вершине дюны, любопытный и неприметный, будто бы часовой, поставленный наблюдать за позицией Старика. Вскоре к лису присоединились собраты, и Птица, уловив мимолетно их намерения, заинтриговалась. Всякий раз, чувствуя, что они рядом, она отслеживала их при помощи своей эхолокации – всякий раз, когда больше нечего было делать и подкрадывалась скука. Скука, которая ничего не значила в Лаборатории как понятие – ведь не было ничего такого, от чего ее можно было бы испытать. Но теперь, обретя бескрайнюю синеву неба, Птица прекрасно понимала, что скучно, а что – нет.

Ее чувства также исследовали множество туннелей и уровней тюрьмы, когда Старик отправлялся на охоту, и она могла даже проверять решетки, доски и проволоку, пока его не было. Старик часто пропадал в лабиринте внизу, со своим мачете наперевес, и охотился на длинных черных существ, похожих на горностаев, которые жили там. Она прислушивалась к отдаленным крикам, звучащим, когда он находил их и убивал, и видела в своем воображении пузырьки их жизней, лопающиеся – и пропадающие совсем.

Как же так вышло, что наблюдая за бытом этих созданий, Старик так и не догадался об их уме? По утрам, когда Странная Птица просыпалась и обнаруживала худые, обмякшие тела черных горностаев, лежащих наполовину внутри, наполовину снаружи огромного горшка на столе посреди комнаты, она испытывала чувство утраты, которое Старик не мог разделить.

Странная Птица знала также, что Старик, пусть даже и считающий ее красивой здесь и сейчас, непременно убьет ее в час голода, выдернет ее ослепительные перья, сварит и съест – как любое другое животное.

И тогда ее ошипанная тушка будет наполовину торчать из горшка, обмякшая, ни о чем больше не способная помыслить. И тогда будет она уже не Айседора, а просто мертвая птица.

Путники в ночи

Лисы вышли в сумерках и заглянули в окошко темницы Странной Птицы – украдкой, скрытно, так, чтоб Старик не увидел их. Их глаза сверкали, лучась чуждым ей озорством. Их тьяканье, лай, вибрирующее рычание на грани слышимого – все это сплеталось для Странной Птицы в причудливую музыку ночи. Лисы не боялись ни узилища, ни Старика, потому что не были обычными лисами. Куда больше они напоминали животных, которых Птица видала в Лаборатории, – особым образом *настороженных*.

Поэтому она тихо и утешающе пела им в ответ из своего плена, и когда лунный свет густой и яркой глазурью покрывал песок дюны, лисы выделяли зажигательные коленца и манили ее присоединиться к ним, впускали ее в свои умы, чтобы она узнала, каково это: быть лисой и выделять зажигательные коленца на четырех шерстистых мягких лапах. Что-то в этом было от чувства полета. Что-то.

Странная Птица знала, что в такие моменты лисы тоже могут заглянуть в ее разум. То, что пульсирующий внутренний компас позволял это, привлекало их. Но время шло, и этот факт ее не волновал, ибо свобода была слишком волнующей, а темница – слишком сырой и ужасной. Так пусть хотя бы лисы узнают, что у нее на уме – и унесут с собой в пустыню какую-то часть ее души. Ведь она боялась, что никогда отсюда не освободится.

Вскоре она стала понимать лис лучше, чем людей в Лаборатории, лучше, чем своего пленителя-Старика, и научилась звать их из-за песков, и они собирались на вершине дюны и разговаривали с ней. Ворча, они задавали ей вопросы о том, откуда она пришла и каково это – летать так высоко над землей. Разве там, откуда ты явилась, лучше? А нам бы понравилось там? Не хуже ли там, чем в твоём плену? Как думаешь сбежать?

И по ночам микроскопические частички ее по-прежнему уплывали через окно камеры – оставляли ее, чтобы она стала чем-то другим где-то в другом месте. Она не могла понять, что это значит. К какому бы соглашению не пришло ее тело с биологами в Лаборатории, она сама на это никогда не соглашалась.

Но лисы радовались этому ее делению – в такие моменты они подпрыгивали в экстазе и с притворной свирепостью набрасывались на покидавших ее микроскопических существ, как бы понукая их лететь прочь, вдаль, вместе с ветром, и никогда-никогда не знать покоя.

История Старика

Старик никогда не открывал дверь камеры, а только просовывал ужасную еду в щель, которую закрывал деревянной доской, прибитой гвоздями. Он, казалось, знал, что Странная Птица смогла бы улететь и через такое малое отверстие, не причинив себе вреда.

Запихивая еду внутрь, Старик всегда говорил:

– Ты молодец, Айседора. Ты хорошая, уж я-то знаю. Ты прекрасна и добра.

Но что такое добро, что такое красота и почему все это так важно для Старика?

Ничто в Лаборатории не казалось ей хорошим, а красота была формой без функции. Все, что было в ней красивого, имело свою цель. Все хорошее в ней тоже имело свою цель. И все же чудо-компас пульсировал внутри нее и временами сводил с ума от желания убежать и мыслей о темнокрылах, о том, как они распались, рассыпались, но все же – сызнова слились в единое целое.

Лисы вбили ей в голову мысль, что она может спастись, превратившись в привидение. Если она станет призраком, Старик не сможет увидеть ее и решит, что она сбежала, и откроет дверь камеры, чтобы она могла сбежать по-настоящему. Странная Птица знала, что для лис само понятие «привидение» означало что-то другое, но все же – собиралась попробовать.

Поэтому она лежала в темноте у подножия стальной скамьи, куда не мог проникнуть солнечный свет, и становилась очень неподвижной, а те нейроны ее мозга, что естественным образом жили в ее перьях, изменяли ее покровительственную окраску, притупляли яркость и упражнялись в точном подборе оттенков и тонов тюремной камеры. Ее камуфляж в обычных обстоятельствах демонстрировал тьму сверху и свет снизу во время полета, поэтому Птице потребовалось сознательное усилие, чтобы изменить его.

Все это время Старик рассказывал ей о своих воспоминаниях о таких людях и местах, о которых она не знала и которые нимало ее не заботили, и в конце концов посетовал на мрак и нагнал больше света, взяв лениво извивающихся белых флуоресцентных личинок и сунув их в емкости, вынутые из потолочных ниш. По тому, как он продолжал жаловаться на мрак, Странная Птица отмеряла свой прогресс в становлении невидимкой.

– У меня, должно быть, совсем со зрением худо, – ворчал Старик, но позволить себе подсыпать флуоресцентных личинок в светильники он не мог, ведь личинки были пищей на черный день – на тот случай, если горностаи сделаются хитрее, а сад начнет увядать.

Он все бубнил и бубнил свою отповедь, напоминая чем-то капеллана в Лаборатории – того человека, что проводил уйму времени в бессмысленных разговорах с животными.

– Я уже не тот человек, каким был. Когда-то это место было другим. Снаружи есть еще люди. Там есть все что угодно. Но без крова я долго не протяну. Нужен кто-то помоложе, посильнее. Кто-то, кто не так от всего этого устал – а уж я-то знаю, что люди придут сюда достаточно скоро забрать даже то, что имею. В ином направлении – лишь пустыня и пустошь, и ничего хорошего. Уж ты-то знаешь – ты пришла оттуда. Был там город, в котором я вырос, а от него уже и не осталось ничего. Теперь все мертво. Теперь остались только я, ящерицы, горностаи да пара-тройка жаб. И некоторые незванные гости. Ну а теперь еще ты.

Старик мог бормотать так часами – грезить, бредить и становиться совсем не тем, кем его считала Айседора. Но даже это Странная Птица приветствовала, ведь через такие эпизоды она все лучше и лучше понимала его – не одну лишь речь, но и настроение, и ту нанесенную самому себе рану в его сердце.

Излюбленной темой разговора был город, притаившийся так близко за дюной. Всякий раз, когда старик говорил о городе, его голос становился приглушенным, а лицо испуганным, и Странной Птице вспоминались уловленные издали тени чудовищ.

– Об этом лучше не говорить. Лучше продолжать жить и не думать об этом. Ухаживай за колодезем. Ухаживай за садом. Не смотри на горизонт.

Из города доносились приглушенные стоны и рев, и Айседора поняла, что Старик их слышит, потому что даже самые отдаленные звуки заставляли его, сидящего спиной к ней за столом с древней пишущей машинкой, дрожать. Потому что он звал ее красоту *отвлечением*. Потому что ему нужно было доверить бумаге то, что он называл своей «великой историей» – рассказ о своей жизни и о том, как мир стал таким, каким был сейчас.

Но Птице были знакомы истории-отчеты Лаборатории, и она знала, что Старику все равно не расписаться всласть – у него была в запасе лишь одна красящая лента для пишущей машинки, порядком выдохшаяся, да и бумаги всего-то пятьдесят листов осталось. Пятьдесят листов быстро подходили к концу, покрываясь пятнышками буковок с обеих сторон, и тогда Старик возвращался к началу – и все повторял, отпечатывая тот же самый текст поверх уже проделанной работы.

– Видишь ли, красавица моя Айседора, – сказал он, – это способ запечатлеть все это в моей голове. Я печатаю историю, чтобы разучить ее хорошенько, и если я никогда не найду больше бумаги, все равно она будет надежно отпечатана в моей голове. Когда-нибудь, видит бог, я запишу ее так, как надо, набело – и тогда моя история будет вечна.

Но Айседора полагала, что это всего-навсего помогало Старику забыться. Не беречь воспоминания, кои он не желал хранить, но и избавиться от коих не мог. Он ведь все чаще останавливался, пытаясь припомнить подробности, которые, как она знала, должны остаться в отпечатках на бумаге, в пересекающемся бессмысленном узоре беспорядочно набросанных букв. Если бы Старик только мог оставить все-все там, на странице – был бы уже свободен от подробностей. У нее не было даже такого выхода, в ее памяти всякий миг продолжал жить, но она не завидовала Старику, потому что видела – печатная машинка не в силах помочь ему.

Шла вторая неделя ее заточения, и Старик, ушедший в свою историю с головой, порой переставал печатать – и вместо этого заговаривал с ней. Рассказывал ей о том, что собирался выразить посредством ударов по клавишам.

– Как-то раз мне преподнесли огромный праздничный торт – подумай только. Помню, в двенадцать лет я задул все свечи, а потом братец мой сунул меня лицом в самую гущу, во всю эту патоку и сливки, но все равно это было здорово... у меня еще никогда не было такого торта, да и все-все друзья собрались в одном месте... кто-то там жонглировал апельсинами, помню. Я так давно не видел апельсинов. И яблок – тоже.

Повисла пауза, замешательство переполнило единственный глаз Старика, обращенный к Айседоре. Веко мелко-мелко дергалось, давая Айседоре понять, что что-то ранит Старика изнутри. Что-то старое, но все еще сильное.

– Теперь уж никто не увидит. Все потеряно.

Но что же было потеряно? Старый мир был не лучше нового для Странной Птицы, он был просто другой.

Затем Старик осторожно, почти украдкой спросил:

– Если я выпущу тебя из камеры, ты останешься со мной? Если бы я это сделал, ты бы осталась со мной, не так ли? Могу я... научить тебя оставаться? Как бы выдрессировать...

Она молчала, не давая ответа, потому что слово «дрессировать» знала по Лаборатории – где оно сулило лишь боль и страдания. И еще – потому что Старик сделался замкнутым и угрюмым. В таком расположении духа он мог быть и жесток.

Поэтому Птица только ослабила свой камуфляж и распушила перья, став более яркой, позволив цвету гореть на перьях, как лесной пожар. Старик решил, что так она отвечает ему – расписывается в своей красоте и, следовательно, доброте.

Секрет Старика

Однажды ночью Старик вышел из туннелей в комнату, неся «особое сокровище» – так он свой улов назвал.

– Спиртовые гольяны, Айседора, – сказал он, протягивая ей пригоршню крошечных серебристых рыбок. – Компания их сделала, ну или до сих пор производит. Мне пришлось бы отправиться в город, чтобы найти их, но я наткнулся на них в подземелье. Рядом со скелетом, каюсь. Но ему-то они точно уже не нужны. Ему теперь вообще ничего не нужно.

Компания? Она не знала, что Старик имеет в виду, но со временем пришла к выводу, что подразумевается нечто вроде ее Лаборатории, разве что – попросторнее.

Он бросил парочку рыбешек на пол ее камеры, а остальные, широко улыбнувшись ей, сунул одним махом в рот и с хрустом проглотил, почти не жуя.

– Восхитительно, Айседора! – промурлыкал он. – Вкуснятина! Попробуй, ну же!

Она послушалась – и подивилась тому, как мало они похожи по вкусу на рыбу. Скорее уж, на нектар. Неожданное тепло охватило ее после того, как подачка провалилась в клюв. Вскоре после этого она почувствовала, что куда-то плывет, а когда подняла глаза – Старик прыгал перед ней, и кружился, вытянув руки, будто обнимая невидимого партнера, и замирал на нетвердых ногах, тарашась в ее темницу.

– Ты же чувствуешь это? Да, Айседора? Ой, хорошо-то как. Лучше и быть не может.

Его единственный глаз налился кровью. Бледное лицо налилось багрянцем. В Старике будто проснулся дремавший до поры зверь – и теперь рвался наружу, наполняя глаз своего носителя первобытной дикостью.

Но Айседора не сумела распознать в том угрозу. Ей лишь казалось, что Старик будто бы счастлив на этот раз, и она даже стала подражать его танцу, хлопая крыльями и прыгая на стальной скамье. Думая о танце как об еще одном виде полета.

Затем в какой-то момент Старiku ударила в голову блажь, и он, перестав танцевать, достал старое зеркало в полный рост, потрескавшееся и выдавшее виды. Он поднес зеркало к Странной Птице, сидевшей на скамье в темнице. Сквозь решетки и проволоку она различала свое отражение без труда.

Впервые она узрела себя всю целиком, и ее поистине заворожила игра цветов на своем теле – приливы, переливы и отливы цвета, чудо, разворачивающееся прямо на глазах. Цвет бежал по ее перьям и наливался, становился насыщенным, разрываясь между ослепляющей яркостью и донельзя сгущенной тьмой от участка к участку.

– Видишь, Айседора? – спросил Старик. – Видишь, как ты прекрасна? Не прячь красу свою. В угрюмом мире этом и так ее столь мало... На пламя ты похожа, на огонь драгоценный.

Птица-Айседора покачала головой – вверх-вниз.

– Ладно-ладно, – пробормотал Старик, и она поняла, что ее ответ его не устроил, что это совсем не то, на что он надеялся. Он снова начал танцевать, но на этот раз Айседора не присоединилась к нему; и танцевал до тех пор, пока головокружение не заставило его тяжело повалиться в кресло у стола, схватившись за голову. Со своего насеста она с любопытством за ним наблюдала, пытаясь угадать, что же Старик выкинет дальше.

– Ты хороший друг, Айседора, – произнес он, хоть это и была неправда. – Ты сделала мою жизнь здесь лучше. Просто *глядя* на тебя, я чувствую себя лучше.

Он бросил на нее острый взгляд.

– Хочешь знать, в честь кого я тебя назвал? А?

Не дожидаясь ответа, он повернулся к письменному столу, порылся в ящике, достал маленький металлический кружок толщиной около двух дюймов, положил его на колено и нажал кнопку сбоку.

К восторгу Айседоры, впервые опьяневшей в своей камере, над металлическим кругом возникло изображение танцующей женщины, женщины в платье, с улыбкой на лице.

– Это Айседора, – гордо промолвил Старик. – Я знал ее, знал ее тогда...

Женщина произнесла всего две фразы:

– О, Чарли, ну что за глупости! Выключи это!

Но он заставлял ее делать это снова и снова: «О, Чарли, ну что за глупости. Выключи это. О, Чарли, ну что за глупости. Выключи это. О, Чарли, ну что за глупости. Выключи...»

Птица-Айседора не заметила, как выражение лица Старика посуровело. Как делалось оно все мрачнее с каждым очередным проигрышем записи. Но у нее все равно не получилось бы понять те эмоции, что преображали его лик.

– О, Чарли, ну что за глупости! – выдала она тем же, что и на записи, голосом. Этому трюку она научилась в Лаборатории. Этому – и всему остальному, что умела. Ученых тогда ее способность порадовала, и Странная Птица понадеялась, что и Старик сумеет ее оценить.

Но он вдруг резко выпрямился в кресле и отложил металлический круг в сторону.

– О, Чарли, ну что за глупости, – сказала Странная Птица все тем же женским голосом. – Сначала мы отделяем близлежащие ткани от сердца и легких, затем с осторожностью вводим устройство в боковую часть аорты. Затем вам нужно будет отсосать кровь. Затем вам нужно будет отсосать кровь.

– Заткнись, – сказал старик, уставившись на нее злобно-испуганно.

– Они вырвались на свободу, – сказала Странная Птица, – и заполонили лагерь. Мы не сможем прорваться. Они убьют нас.

– Я сказал, *заткнись!*

– Разве у нас есть выбор? Если мы их не убьем, то умрем с голоду. Неважно, насколько это неприятно, как сильно вам это не понравится, насколько вы к ним привязались...

Старик швырнул металлический круг в прутья клетки и закричал:

– Говорю тебе – замолчи! Уймись *сейчас же!*

– И Птица, – продолжила Странная Птица, как будто не могла удержаться, будто была обязана передать последние слова, услышанные в Лаборатории перед побегом, голосом той женщины, что была дорога Старiku. – Птица может постоять за себя. Нам нечем ее достать. Она будет сидеть наверху и бездумно пялиться на нас. – У них кончились патроны, и они на нее очень пытливо смотрели... не с той пытливостью, что присуща ученым. Все они – кроме Санджи, занятой попытками открыть воздуховод.

Птица замолчала. Старик сидел, прижавшись к решетке, дрожащий, выкативший до отказа из орбиты единственный свой глаз. Она делилась с ним, а ему было невдомек.

– Ты ничего не понимаешь, Айседора, – сказал он, рыдая, а затем шепотом выдал свой секрет, ничего хорошего ей не суливший. Секрет, при звуках которого она, может стать, не вполне понимая слова, доверилась образам – образам горшка с безвольными тушками черных горностаев, наполовину внутри, наполовину снаружи.

И никакого секрета тут не было.

– Если придется, я скорее убью тебя, Айседора, чем позволю измываться надо мной. Так что ты заткнись. Ты должна заткнуться. И никогда больше не говори таким голосом, или я убью тебя. Убью или буду держать в этой камере без еды до тех пор, пока ты с голоду не помрешь.

Но Птица-Айседора его не слушала. Потому что Старiku ни к чему было говорить ей, что он может убить ее. Она это и так знала. Нет, Птица-Айседора думала о Лаборатории и о той ночи, когда животные выстроились в ряды – сыграть партию под названием «шахматы» в углу огромной скотобойни, в один из тех дней, когда раздор раздробил ученых на отдельные фракции.

Каждая клетка шахматной доски была кем-то занята. Страусы были ладьями – стояли друг напротив друга через всю доску. А еще там были львы, гиены, гигантские саламандры и даже илистые прыгуны¹ – просто тогда террариумы были целы.

С позиции на плече Санджи птица смотрела, как животные стоят тихо и неподвижно. Они боялись, что их привели сюда, чтобы убить – скотобойня есть скотобойня. Санджи была пьяна, все они были пьяны, иначе они не стали бы сгонять туда животных, и все они были вооружены ружьями или палками. Все они пили, а некоторые танцевали – совсем как Старик. И понукали животных к игре, которую те не понимали. Корчились от смеха – но также и от отчаяния. Они не знали, что делать дальше, зато знали, что дальше будет только хуже. В этих комнатах они были такими же пленниками, как и собственные безответные подопечные, и им было некуда идти.

Была ли Санджи такой же пленницей? Могли ли ученые просто уйти? Прежде чем мир оплатит по их счетам – найдут ли они искомое, освободят ли своих созданий, покинут ли эту Лабораторию?

Наблюдая за тем, что Санджи называла шахматами, Странная Птица знала, что исход не будет таков. Какую бы привязанность ни питали ученые к своим подопечным, этим дело не кончится. Все закончится на скотобойне. Где животные, выстроенные рядами, будут ждать конца.

Странная Птица удивлялась тому, что в принципе могла думать о подобных вещах.

Как только позволили они ей подобный протест? Пусть даже – молчаливый. Пускай – только в ее голове.

¹ Австралийская тропическая рыба с выпученными глазами и жесткими грудными плавниками, благодаря которым способна передвигаться прыжками на суше в илистых отмелях.

Второй сон

Во втором сне Санджи держит яблоко в одной руке, нож – в другой, а она ступает по пляжу в тени голых скал, босиком, в прибое. Кроме них на пляже никого нет. И море пусто – ни судов, ни пловцов.

Странная Птица идет рядом с Санджи. Странная Птица – человек, но она не ощущает своего тела; с таким же успехом она могла бы быть молекулами воздуха. Странная Птица ошеломлена морской солью, шумом волн и ветром, который одновременно так силен и так нежен. Песок прохладный, а линии скал, наполовину затопленных прибоем, темны и скрыты водорослями и колониями сидячих моллюсков. Она не видит солнца, но по освещению судит, что сумерки уже близки. Хотя она не видит здания – знает, что на скалах, за линией деревьев, есть еще одна Лаборатория.

Они долго идут рядом, Санджи смотрит только вперед и ничего не говорит. Странная Птица чувствует непреодолимое желание заговорить, но она не может говорить. Она все еще птица. Она – птица. Она – птица! Но также она – человек, что идет рядом с Санджи, а высоко в небе кружатся и кричат настоящие птицы; ищут в море рыбу и всякую другую пищу. Есть в небе, помимо чаек и крачек, альбатросы, и Странная Птица знает: они никогда не ощущают твердь под собой, всегда парят в небе, на ее глазах кренятся вниз, будто вот-вот сядут, но тут же устремляются назад, все выше и выше, пока более приземленные собратья не остаются далеко.

– Ты оставишь меня ради этого места, – наконец говорит Санджи. – Когда-нибудь тебе придется покинуть меня, и тогда тебе придется быть умной, умной и храброй. Тебе придется быть очень смелой, раз уж все, что мы сделали, – ради выживания. И я стану храброй вместе с тобой. Мы отыщем способ.

Странная Птица хочет ответить, у нее даже есть нужные слова, но у нее не получается ни одно из них произнести, потому что, оглядывая себя сверху вниз, она понимает – ее тело ей не принадлежит. И тогда, подобно альбатросу, она исчезает в небе – ее тянет все выше и выше, как будто незримая рука подхватывает ее и уносит с берега.

Второй побег

Черной, как смоль, ночью Птица-Айседора решила стать призраком. Она села на пол в темном углу, сосредоточилась на своих мыслях и попыталась представить, что ее совсем нет. Дабы представление укоренилось, она отключила все свои системы, все свои чувства – все, кроме зрения и слуха. Сначала она стала неслышной, а потом, чуть позже – невидимой. Ее атомарный рисунок стал неотличим от рисунка пола, прутьев решетки и деревянных балок, поставленных поперек этих прутьев.

Старик не смотрел на нее – все стучал на пишущей машинке.

Как она себе это представляла, предстоящий побег будет немножко похож на побег из Лаборатории, уже свершенный. Что ж, к подобному она готова. Старик смутится, решит, что она сбежала, откроет дверь клетки – и она, хлестнув крыльями ему по лицу, улетит в уголья горностаев в недрах лабиринта. А там – рано или поздно – найдет воздуховод, ведь где-то он непременно должен быть, и по нему возвратится на поверхность, к свету.

Итак, Старик закончил набирать остервенело текст, обратился к клетке, ища ее взгляда – но не увидел Птицу нигде. Подошел к решетке камеры – и посмотрел прямо сквозь Птицу, что забилась в укромный уголок.

По его лицу пробежала дрожь замешательства. Он скривился, будто раскусив горькую ягоду утраты... но очень быстро оправился. Заулыбался. Засмеялся даже.

– Ах, Айседора, ты обманщица, – промолвил он, качая головой. – И когда только ты успела стать такой? Вы все одинаковы, во всем своем сонме проявлений. У всех – хитринка за душой. И у тебя тоже, но ты не так хитра, как думаешь. Уж точно не хитрее меня. Я знаю все уловки заключенных наперечет – неужто думаешь, что ничего подобного не видал ранее?

Птице вспомнились три креста на песке.

– Я не стану открывать дверь, Айседора, – твердо сказал Старик. – Ты хочешь сделать вид, что сбежала, хочешь, чтобы я так думал... а я так – *не думаю!* – Его голос окреп в гневе. – Я делаю такую важную работу, а ты зачем-то дурачишь меня! И это в обмен на мою к тебе доброту! Проявись! Покажи себя – не стану я отпирать эту проклятую дверь! Ну же! Явись!

Он еще долго ругался, плевался и потрясал кулаком, но она не двигалась, не выдавала себя. Пусть ее план провалился – ей, по меньшей мере, не хотелось, чтобы Старик видел, как она преобразается.

И в конце концов Старик сказал:

– Я мог бы оставить тебя здесь, но если со мной что-то случится, ты не выберешься. А мне бы такого не хотелось. Неважно, насколько был я плох или хорош – я такого зла тебе не желаю. Я – не плохой человек.

И, взяв торжественную паузу, он объявил:

– Итак, у тебя будет хороший дом. Гораздо лучше, чем этот. Раз уж ты так отчаянно хочешь дать от меня деру, я отвезу тебя в город и продам. Так будет лучше – и мне, и тебе.

Но был ли такой исход взаправду наилучшим?

* * *

Через некоторое время Старик успокоился и заснул. Она могла видеть его со скамейки. За эту неделю он похудел, и его борода стала такой густой и грязной, что походила на гнездо. Там, в Лаборатории, им не разрешали гнездиться, и все же она каким-то образом знала суть дела. Его взгляд становился все более беспокойным, а руки иногда дрожали.

В ту ночь лисы не пришли. Луна так и не появилась. Странная Птица лежала во мраке, измученная, и чувствовала зуд в крыльях, боль, скуку и тесноту клетки. В каком-то смысле в клетке было даже хуже, чем в Лаборатории.

Секрет Старика прочно сидел у нее в голове – расцветая и преображаясь, никогда не являя свою суть полностью, но никогда притом и не развеиваясь без остатка.

Странной Птице недоставало опыта общения с людьми, чтобы понять, какие из них – существа благоразумные, какие – не вполне. В конце концов, никто из ученых в Лаборатории не мог похвастаться здоровьем ума.

Город

На следующий день Старик подсыпал ей снотворное в еду, и когда она проснулась, то была уже не в своей камере, а в мешке, перекинутом через плечо Старика. Они направлялись в город. Она чувствовала, что уже полдень.

Слепая и связанная, Странная Птица ворочалась в мешке. Старик на ее толкотню не обращал внимания – упорно шел по подземному переходу через лабиринт тюрьмы, и только. Ему, похоже, было плевать на то, что в мешке она поранится или ушибется, и из этого Птица заключила, что с равным успехом может послужить ему и мясом на продажу, и диковиной на показ. Но она не боялась, по крайней мере, темноты – потому что внимала изобилию жизни вокруг: двоякодышащие рыбы² зимовали в выбоинах в полу внизу, горностаи сновали где-то за стенами, саламандры липли к потолку, а черви и пауки кишели везде и всюду. Не будь она столь сильно зажата в себе – выплеснулась бы сутью своей наружу, обретя утешение во всем, что существовало за пределами ее «я».

Впереди Странная Птица могла «видеть» ответвления и тропинки системы туннелей, и различать, по каким Старик мог идти, а по каким нет, трепеща от страха, когда он подходил так близко к какой-то огромной фигуре, скрытой за стеной – к попутчику, нерешительному и боящемуся света, который держал Старик. Тот никогда не знал и никогда не узнает, что делит эти темные чертоги с таким существом, но Странная Птица – знала.

– Между нами есть кое-какие секреты, – сказала Санджи вечером в Лаборатории, когда остальные ученые находились в своих каютах или несли караульную службу на баррикадах. Санджи продолжала работу над Странной Птицей. Всегда – под местной анестезией, так что Странная Птица ничего не чувствовала и не тревожилась, но эти односторонние разговоры ее настораживали. Зачем Санджи заронила в нее эти воспоминания? Птица не знала. Заточение в мешке просто заставило ее вспомнить все те слова и все те моменты, когда она ничего не могла сказать в ответ, но должна была воспринять столь многое.

– Птичьи мозги почти так же хороши, как и человеческие, только упакованы плотнее. Но ты ведь не просто птица, не так ли?

Тогда – *кто же* она? Если не «*просто*» птица?

* * *

Над головой – поздне-вечернее небо. Странная Птица видит его, потому что Старик ее наконец-то вытащил из мешка. Держит, правда, за ноги – руками в толстых перчатках, через которые ее когти не смогут просто так продрасться. Она изо всех сил борется с тошнотой оттого, что висит вниз головой, оттого, что видит дугу каменистой земли, прорезанную реками песка, приближающуюся только для того, чтобы отступить. Ни дать ни взять качели. Только вот откуда она знает, что такое качели? Это не ее память, не память Птицы-Айседоры. Когда это она бывала на качелях? Не в Лаборатории же. Значит, где-то еще. Маятник качнулся вниз, а потом опять вверх к небу, к солнцу, все выше и выше, а потом – опять резко вниз, так, что захватывает дух, и на какой-то миг обрывается дыхание.

Они вылезли из дыры в земле, прикрытой присыпанным песком холстом, наружу, и Старик выругался, и шлепнул ее через мешок раз-другой, как будто Странная Птица виновата была в тяготах затянувшегося перехода. Зато теперь, в высшей точке качельного маятника, Странная Птица понимала, что они пришли в разрушенный город.

² Двоякодышащие – древняя группа пресноводных лопастеперых рыб, обладающих как жаберным, так и легочным дыханием.

Скоро ее продадут. Скоро она попадет в другое место.

Она крепко прижимала крылья к веревке, храня *компактность*, предпочитая тяжелое чувство затекшего тела той боли, что настигнет ее, если она расслабится, если распрямит без оглядки крылья. Она знала, что Старику будет плевать, если она поранится о камни, от коих ей уже приходилось уворачиваться, вертя головой из стороны в сторону.

Дух этого места показался Странной Птице нездоровым. Пахло металлом, поеденным ржавчиной, что заставило ее подумать об осколках темнокрылов, роем рассеивающихся по сторонам. Пахло – пусть даже и не в полную силу, а лишь намеком – мертвой водой, тухлым мясом. Они ползли по дорожкам, окаймленным тощими деревьями и пожелтевшими кустами с жухлой травой, входя и выходя из лабиринтов покосившихся столбов и полуразрушенных домов. Мелькали тени крошечных существ – Птица не была уверена до конца в том, хищники они или жертвы, но ее внутренний чудо-компас бешено раскручивал стрелку.

Что-то загромыхало вдалеке, сам воздух содрогнулся, и Старик, сплюнув в сторону, прибавил шагу. Он остановился на краю лежащего в руинах подворья, среди грязи, гравия и странного мха, среди осыпавшихся кирпичных стен, выглядящих так, будто их долгое время осаждали некие могучие чудовища.

– Не здесь, не здесь, – забормотал он. – Почему их здесь нет?

Конечно, Птице хватило бы и мгновенья, чтобы нырнуть в небо, воспарить и сбежать, и не быть более ничьей пленницей. Еще бы не сдавливала так веревка на ногах. Может, она вполне способна ее порвать? Получится ли у нее достаточным усилием разять путы, или она достаточна сильна (хоть бы и лишь по собственному убеждению), чтобы взмахнуть крыльями и улететь, даже будучи связанной? Даже будучи ослабленной длительным пленом?

И вдруг показалась причудливая тень – вид мира был ограничен внутренним двором и руинами, но даже так Странная Птица, что была когда-то Айседорой, увидела ее, ибо тень та была велика. Очертания, не особо-то и ясные, не выдавали в отбрасывающем ту тень птицу. Если верить очертаниям тени, ее хозяин при обычных обстоятельствах и вовсе летать не мог.

Был в Лаборатории один пятнистый медведь, небольшой такой, себе на уме, шагами меряющий куб из прочного стекла, куда его усадили – по одному и тому же маршруту, ведь других маршрутов внутри куба не было. Птица не знала, что случилось с тем медведем – куда он мог убежать, когда в Лаборатории вспыхнул пожар, как выжил в пустыне. Но хозяин той огромной тени был именно медведь, пусть даже и совершенно иной вид медведя. Этот вид мог летать – как она сама. И хотя Странная Птица видела медведя лишь издали, да еще и не с самого удачного ракурса, от зрелища перехватило дыхание. Чудесный и ужасный, поистине дьявольский – и подобный вековечному ангелу вместе с тем медведь, парящий абрис далеко за горизонтом, перегружал ее многочисленные чувства лучащимся величием. Если бы зверь приземлился рядом, он бы возвысился над ней подобно пяти-шестиэтажному зданию – но эти внушительные габариты не мешали ему свободно и легко, подобно стрижу или ласточке, пронзать воздушные потоки, нырять в них раз за разом – с какой целью, Птица не смогла бы сказать.

Ей было все равно, что медведь мог сулить смерть; воспарив духом соразмерно высоте медвежьего полета, Птица вдруг смогла вообразить себя головокружительно могущественной – настолько грандиозной, что всем другим тварям внизу не оставалось ничего иного, кроме как питать к ней страх.

Зрелище летящего Медведя наполнило Старика ужасом, и он ослабил свою хватку на ней, не торопясь сызнова усилить – но Птица не вырывалась и ждала, ибо такого послабления было все еще не вполне достаточно.

Словно стыдясь своего страха, Старик нахмурился и уставился на нее сверху вниз, и его единственный глаз был похож на дыру в лице, через которую можно было видеть небо.

– Это Морд, Большой Медведь. Компания его сделала. Да чего это я распинаюсь? Он – Морд, и все. Ни слова более не требуется. Его отсюда видно. И он нас всех оттуда видит. Так

– каждый день, Айседора. Он – наше проклятие, но он – далеко. И сюда придет еще не скоро. Может, он и могущественный, но в чем-то – обычный, простой. Не менее простой, чем вон тот выброшенный диван. – И Старик указал на что-то длинное и мягкое, на деревянных ногах – опаленное, присыпанное раздробленным кирпичом.

Но закончив со своей речью, Старик вздрогнул и поморщился, и Странная Птица не поверила ему ни на грош. Старик не понимал Морда – как не понимал и свою пленницу. Вот почему теперь он проклинал свою Айседору и бросал быстрые взгляды из стороны в сторону; ему приходилось неумолимо, почти против своей воли, проверять горизонт, чтобы убедиться, что Морд – все еще далеко.

А реальная опасность оказалась не в пример ближе.

Под опущенной к земле головой Странной Птицы зияла дыра в земле. Выпросталась вдруг рука, хватя Старика за лодыжку – дернула, он и упал, а Странная Птица распласталась по земле и пронзительно закричала. Пути на ее лапах ослабли, и она, перекатываясь прочь и высвобождая крылья, разорвала их.

Там был люк, понятное дело. Скрытый, как и вход в покои Старика.

Маленький человечек в пыльной одежке, с лицом летучей мыши вдобавок, потянул Старика к себе в логово. Старик закричал и схватил за крыло Странную Птицу – схватил так, чтобы не дать вырваться, чтобы уволочь к гибели следом за собой.

В панике она полоснула его по руке когтями, нанесла удар кончиком клюва. Старик взвизгнул, но удержался, и когда она отдернула свое крыло и снова ударила его – ощутила, как ломается кость внутри, не приспособленная сгибаться столь радикальным образом.

Подпрыгивая и вспархивая, она выбралась на середину двора, крутанулась волчком на одной ноге, сбрасывая рваные остатки пут – и бросила последний взгляд на Старика. Был тот наполовину уже под землей, а наполовину – все еще тут, в верхнем мире, и за этот мир он так отчаянно держался, что ломал об его твердь ногти, загребал его скрюченными пальцами – и все равно уходил все глубже и глубже вниз. Маленького человечка с мордой нетопыря видно не было – он, должно быть, тащил Старика снизу за ноги.

– Айседора! – взмолился старик. – Айседора!

Он потянулся к ней, как будто они были друзьями, а не пленником и пленницей. Как будто она могла каким-то образом спасти его.

Последний сильный рывок – и Старик провалился в потайной люк по грудь. Лицо у него было – ну точь-в-точь что мордочка у лягушки, наполовину проглоченной змеей. Песок припорошил его черты, скованные паникой пополам со своего рода стоическим смирением.

– Айседора, – прохрипел старик. – Айседора. Айседора.

Хотя они оба знали, что он уже мертв.

Раненое крыло вывернулось под жутко неудобным углом. Странная Птица проверила его, взмахнув раз-другой – осознавая притом, что если какой-нибудь хищник в укрытии вдруг заметит ее невзгону и бросится к ней, спасенья не будет, – и поднялась в воздух. Крыло тут же отозвалось болью.

С воздуха Старик, торчащий из ямы в земле, выглядел так, будто никогда и не было в нем ничего сверх головы, шеи и груди. Следя за ее воспарением снизу, он отчаянно махал ей выпростанной рукой и звал по имени, которое никогда ей по-настоящему не принадлежало. В шоке. В ужасе. Пока человек с лицом летучей мыши тянул его вниз.

Вскоре Старик стал всего лишь точкой внизу, такой несущественной. У людей были странные представления о благодарности, право – о том, когда стоит изъяслять ее, когда нет. Должна ли она быть благодарна за то, что Старик пленил ее? И что она должна чувствовать сейчас? Вопрос она облекла в птичью песнь, и в ней же – в песне той – крылся и ответ.

Воспаряя, она чувствовала, как имя «Айседора» покидает ее. И вот она снова – лишь Странная Птица, не нуждающаяся в каком-либо имени, угодном любителям имен, людям.

Нетопырь

Компас внутри упрекал ее, говорил, что она должна полететь на юго-восток, покинуть город, но стоило ей попытаться изменить направление, как после первого же круга поверх руин внутреннего двора сильная боль разгорелась в ее крыле – и тогда Птица осознала, что досталось ей куда сильнее, чем она поначалу считала.

Крыло ушло в отказ. Выкрученное пульсирующей болью, оно больше не могло помочь ей контролировать высоту полета и поддерживать скорость. Внизу простирался двор, со всех сторон – незнакомая территория, укрыться – негде. Взмахнув здоровым крылом, она подалась к куцей рошице в дальнем конце двора. Борясь, дрейфуя, как мертвый лист, и снова борясь, Странная Птица ухитрилась совершить грубую посадку – вскрикнула, когда поврежденное крыло врезалось в холмик, затем резко взмыла вверх, крепко ухватившись за почерневшую ветку, и, не медля, нырнула в самую гущу зарослей в центре роши.

Там, разгоряченная, страдающая от жгучей боли, Странная Птица подняла увечное крыло и оглядела двор. Она не видела ни Старика, ни человека с лицом нетопыря, напавшего на них. Даже люк в земле и тот будто пропал. Но она не доверяла ни тишине, ни отсутствию движения. Если лететь не получится – надо хоть как-то, по открытой местности, добраться до другого укрытия. Такого, где можно было бы восстановиться и исцелиться. Такого, где есть вода, прохлада и тень.

Что, если человек-нетопырь все еще таится в своей западне и ждет? А что, если есть и другие ему подобные?

Она цеплялась за ветку до сумерек, слишком боясь пошевелиться.

Придется проявить терпение. Нужно узнать наверняка.

* * *

Когда взошла луна, две большие ящерицы явились вместе с ней с противоположных сторон двора, настороженно огляделись, а затем помчались через завалы к середине, гоняясь друг за другом, будто лунный свет свел их с ума. Но ни один хищник не набросился на них, и когда лунная лихорадка отступила, ящерки, щеголевато взмахнув хвостами, теперь – каждая снова сама по себе, разбежались по укромным уголкам.

Та, что пробежала мимо укрытия Странной Птицы, не пострадала. Другая задела край люка – и маленький человечек, выпрыгнув чертиком из табакерки, с потрясающей ловкостью подхватил ящерицу прямо на бегу и жадно запихнул себе в рот. Затем – встал на колени там, в лунном свете, огляделся по сторонам почти что с гордым видом, захрустел костями. Хвост ящерки бешено извивался, торча из уголка его рта.

После этого Странная Птица долго оставалась настороже, но, должно быть, на какое-то время заснула-таки – потому что позже, вздрогнув, проснулась и обнаружила, что светило ночи пока еще на своем месте, в темных небесных недрах.

Верхняя половина тела Старика теперь лежала смятая и брошенная у дальней стены, его единственный мертвый глаз был обращен ввысь.

Она услышала шорох, глянула вниз – и чуть не свалилась с ветки.

Человек-нетопырь стоял под ее деревом. Его лицо напоминало серую маску, сально блестящую при луне. Либо так причудливо сказывалась игра света, либо он взаправду плакал без единого звука. Он-то – монстр, убивший Старика и сожравший живьем ящерку.

Он смотрел на нее снизу вверх огромными испуганными глазами, выражение которых застыло – как и все лицо с огромными раздутыми ноздрями и скулами, выдававшимися под

абсолютно нечеловеческими углами, неколебимое лицо, заросшее мягкой тонкой шерстью. Зачарованная, Птица не могла оторвать от монстра глаз – но как же он был чужд и страшен.

Может статься, он ее не видит. Может статься, он вернется в свое подземелье.

Но человек-нетопырь с шипением прыгнул на ствол самого большого мертвого дерева. Большими рывками и ловкими движениями, минуя ветви, монстр приближался к ней, и она, с горящим от боли крылом, порхала с дерева на дерево, изо всех сил стараясь найти где-нибудь такое место, куда нетопыря попросту не допустит собственный вес. Такое место, откуда она смогла бы безопасно спланировать на стену, а со стены – в город.

Ощутив присутствие нетопыря прямо за собой, услышав его шипящее дыхание, Птица добралась до стены, тяжело перемахнула через нее и исчезла в темноте.

Монстр, так и не унявшись, продолжал искать ее где-то в высокой кроне.

* * *

Приглушив цвет своего оперения до пыльно-серого, Странная Птица нашла убежище в дренажной канаве. Она не могла составить никакого впечатления о городе, потому что город не хотел представляться ей. Он был слишком огромным и беспорядочным, и она была слишком отвлечена, наблюдая за тепловыми сигнатурами жизни вокруг нее, чтобы разузнать, чего еще следует избегать. А на зрение в этом пропаренном и маслянистом колодце, куда она забралась, и вовсе полагаться не приходилось.

Когда подступил рассвет, она все еще чувствовала себя в этом городе потерянной – и не была уверена, что сумеет когда-либо найтись. Город был на диво пуст, и при этом – полон опасности до краев; напряженная, вся настороже уже долгое время, Странная Птица дрожала.

Она подобралась к мосту, рухнувшему в грязь, поперек останков фортификационного сооружения (если это было взаправду оно), где у стены лежали обтянутые иссохшей кожей скелеты и ржавая россыпь оружия. В какую сторону идти ей дальше?

Нетопырь встал на мосту, глядя на нее сверху вниз. Бесстрастный. Любопытный. Так смотрел, будто она была ящерицей, которую стоит пожевать. Или не только пожевать.

Он чувствовал ее, несмотря на всю ее маскировку, и всегда будет чувствовать.

Она запаниковала, поднялась в воздух, презрев боль в крыле, закричала в отчаянии, когда огонь опалил изнутри кости, но все равно вспорхнула неуклюже, закрутившись юлой в воздухе.

Нетопырь кинулся к ней с шипящим криком. Его черты исказились, стали еще более отталкивающими.

Она расправила крылья в отчаянной попытке удержаться в бреющем полете, но тут же упала обратно на землю. Нетопырь прыгнул на нее, и ее когтей было недостаточно, чтобы дать ему отпор. И не осталось безопасного места ни на земле, ни в воздухе – бежать было уже некуда.

Обсерватория

Миры кружились над Странной Птицей и звездами – звездами столь близкими, в столь близком пурпуре небе, пронизанном светом далеких галактик и темными водоворотами туманностей, прошитом серым светом зари, пробивавшейся сквозь трещины в куполе. Сбоку виднелась выгоревшая и проржавевшая конструкция – гигант-телескоп, некогда занимавший здесь центральное место, а теперь потесненный в сторону давно позабытым катаклизмом.

Лисья голова синего цвета красовалась на наклонной боковой стене. И пусть ей, как всякому трофею, и долженствовало быть мертвой, лисьи глаза смотрели на Птицу живо, а из пасти срывалось отрывистое тьяканье. Звук заглушался голосами других, пребывавших в этом месте, и поэтому некоторое время, чтобы успокоиться и собраться, Птица игнорировала все, кроме купола над собой, и лисьей головы, что светилась даже на фоне той радужной краски, которой нарисован был космос наверху.

Странная Птица лежала, пригвожденная и распростертая на каменном столе под этим безграничным горизонтом, который, как она позже узнает, был нутром брошенной городской обсерватории.

На заднем плане – синий лис. На переднем, в обрамлении космоса – два обращенных к ней лица: одно – знакомое, нетопыриное, другое – женщины, незнакомой Странной Птице.

– Что принес ты мне, Чарли Икс? – спросила женщина.

– Вещь. Существо. Зверя. Птицу.

Чарли Икс всегда говорил так, будто давешняя ящерица все еще стояла комом у него в горле. Изъяснялся отрывистыми скупыми предложениями – только так его удавалось понять. Со временем Странная Птица привыкнет к его манерам. Поймет, что застывшая маска лица Чарли скрывает гамму сложных эмоций, не сдерживаемых логикой или разумом... а порой даже и простым инстинктом самосохранения. Что Чарли Икс может быть добрым, жестоким, отважным и трусливым в одном мгновении, а потом – забыть все это. Возможно, амнезия эта шла ему на руку – ведь на долю Чарли немало выпало, и в горле застрял такой кусок, какой уж не проглотить вовек.

Женщину он называл Морокуньей.

– Убейте их всех, убейте всех! – закричала Странная Птица. – Убейте, убейте. – Из тех слов, что были у нее в распоряжении, лишь услышанные в Лаборатории подходили для атаки и защиты. Она знала – их недостаточно.

Чарли Икс вздрогнул, но Морокунья не пошевелилась, и спокойное выражение ее лица не изменилось ни на йоту – ни одна черточка не дрогнула.

– Искусственная птица, – протянула Морокунья. – Невезучая лабораторная тварь. Не было доселе таких, как ты. Каким-то образом ты сбежала, а о мире снаружи – не знаешь ну совсем ничегошеньки. Вот что могу я сказать, глядя на тебя.

– Ценная! – тьякнул Чарли Икс, раздувая ноздри. Тут его зоб вспучился с хлюпающим звуком – из-за чего-то живого внутри.

Из-за краев каменного стола вдруг стали появляться детские головы – как грибы после дождя, все вскакивали и вскакивали, пока не окружили стол со всех сторон. Морокунье было не до них, пусть даже и все эти детишки льнули к ней.

– Скоро мы узнаем, из чего ты сделана, и тогда устроим представление, правда же?

Дети дружно закивали и уставились блестящими глазами на Странную Птицу.

Что-то сжалось внутри нее. Если б только она не столкнулась с бурей. Если бы только она успокоила Старика, если бы он не привез ее в город. Если бы только Старик не попал в засаду. Если бы только он не протянул руку и не поймал ее за крыло...

Достав из кармана паука, Морокунья бросает его на Странную Птицу. Длинноногий кристаллический паук забежал по ее телу. Он нырял внутрь него и выныривал назад, наружу, снова и снова, и от его манипуляций Птицу снедал изнутри жуткий зуд. Паук миновал всякие защитные заслоны, и с этим она ничего не могла поделать. Ее безопасность обеспечивали Санджи и другие, прошедшие формальную подготовку, какую сия эксцентричная лоскутная магия не признавала и не уважала. Это существо, испытывающее ее, ползающее по ней, было диким, варварским в своих намерениях. Оно презирало подпрограммы и высшие чувства. И значил что-то не сам паук, поняла она, а воля, стоящая за ним – то есть, Морокунья. Именно она копалась в мозгу Птицы, пока та лежала на столе беззащитная. Морокунья Всезнающая.

Странная Птица закрылась настолько, насколько могла, борясь за то, чтобы запереть побольше дверей, поскольку зонды паука приближались неумолимо. Но дверей было не так уж много.

Все большая ее часть отпадает по мере паучьего продвижения – так шлюпки покидают тонущий корабль. Только в ее случае сам корабль скорее растворяется, нежели тонет. Что-то подсказывает ей, что Санджи, предвидя подобный исход, запрограммировала процесс. Ведь темнокрылы стали в итоге роем частиц, и она сама в процессе полета отторгала части себя – и теперь происходило то же самое, но с большей отдачей, с возросшей интенсивностью, куда энергичнее и обильнее, чем раньше. Возможно, прежде чем Морокунья отнимет у нее жизнь, большая часть Птицы рассеется – по крупитцам утечет через трещины в куполе обсерватории в город.

– Будь храброй, – сказала ей Санджи, которая была лишь призрак из прошлого, лишь нейрон, посылающий сигнал... была ли она вообще хоть *чем-нибудь*? – Ведь порой храбрость – лишь спокойствие и ожидание.

Дети по-прежнему ухмылялись, а Чарли Икс и Морокунья возносились – вместе со своими пытливыми взглядами, – на все большую высоту, пока паука, хрупкий, но оттого не менее смертоносный, продолжал свою работу.

Третий сон

В третьем сне Странная Птица – светящееся красное яблоко на лабораторном столе из нержавеющей стали. Санджи, в лабораторном халате и перчатках, смотрит на нее сверху вниз и прикладывает палец ко рту.

– Тс-с-с-с. Это наш общий секрет. Никому о нем не говори.

Да кому она скажет?

Скальпелем Санджи кромсает яблоко на четыре части. Семена выпадают из Странной Птицы, ставшей яблоком, скачут до самого края стола, просыпаются на пол.

– Знаешь, вместе нас свели птицы... мы обе с ними работали. Не так, как сейчас – *так* я с птицами никогда не хотела работать. Но в конце концов у меня отобрали всякий выбор. И у нее – тоже. – Санджи говорит о той женщине, что раньше работала в лаборатории. О той, которую Санджи любила.

Странная Птица не чувствует ни боли, ни ужаса при виде тех надрезов, вместо этого – лишь некое облегчение, как будто какое-то внутреннее напряжение исчезло. Семена должны быть снаружи. Семена должны отпасть от тела и начать новую, самостоятельную жизнь.

– Вот, – мягко произносит Санджи. – Дело сделано. Все, что вам нужно сейчас сделать – вернуться домой. Найти ее, потому что я сама – не смогу.

С этими словами четыре кусочка яблока взлетают, и каждый из них – это она, и все они – Странная Птица. Они собираются вместе над столом – и образуют чудо-компас.

– Компас – это твое сердце. Я запрятала его глубоко-глубоко в тебя, и в чем бы ты ни разочаровалась – никогда не разочаровывайся в нем.

И эти слова, предвещающие конец сна, произносит не голос Санджи, а какой-то чужой, незнакомый. И вторая половина яблока – она все еще где-то лежит, припрятанная.

Двое смеются – знающим, разумеющим смехом.

Звук этот мелодичен и жизнерадостен, но безумно-безумно далек.

Преображение

Старик сказал Странной Птице, что солгал ей, потому что она была так красива. Он солгал ей о тюрьме и своем месте в ней. Солгал и о рассказе, который печатал на машинке.

– Я был тюремщиком в этом месте. Когда мир развалился, ушло верховенство закона, и мы оказались в изоляции. Я оставил заключенных в их камерах. Они бы меня убили. Да, я их всех заморил голодом. И охранников остальных перебил – но ведь они хотели меня убить, выбили мне глаз, обожгли всего. Так я остался здесь один. Наедине с собой, с собственными словами. Таков мир, в котором мы ныне живем, Айседора. И все, что я делал, – сделал бы на моем месте любой другой.

На своих страницах Старик пытался оттиснуть как можно больше о тех, кого он убил. Там были подробности жизни заключенных и охранников, чем больше, тем лучше – этакое жизнеподобие с малой степенью приближения. Странная Птица знала, что Старик обычно не руководствуется разумом, но все еще способен испытать вину, внять сожалению, возжелать отпущения своих грехов.

Ученые в Лаборатории частенько говорили «Прости меня» или «Мне так жаль» перед тем, как учинить что-нибудь непоправимое с животными в клетках. Потому что чувствовали, что имеют на это право. Потому что мир умирал, и обстоятельства – особые. Поэтому они продолжали делать то же самое, что разрушило мир, – тисцась спасти его.

Даже Странная Птица, сидевшая на пальме на искусственном острове со рвом, полным голодных крокодилов, различала в подобной логике значительные изъяны.

Даже Странная Птица знала, что в пауке, запущенном Морокуньей, нет ничего такого, что руководствовалось бы разумом. Открывая Птицу Морокунья, паук открывал Морокунью Птице, и именно поэтому Птица знала, что следует готовиться к худшему.

И вот паук удалился, а дети – почти все голые, с лицами в засохшей крови и грязи, – повернулись к Морокунье, будто ожидая, что та откроет им какую-то великую истину. Даже бедный Чарли Икс взирал на нее как на августейшую принцессу.

– Внутри нее – целый зоопарк, – задумчиво промолвила Морокунья, отталкивая от себя скопище детей, посылая по их рядам волны, чуть не сбивая иных с ног – настолько плотно был набит ими зал обсерватории, яблоку негде было упасть. – Она не из нашей Компании. Мы таких не делаем. Штучное изделие. Так их лаборатория – в городе? Нет, сомневаюсь. Уж я бы знала. Но где тогда? О, не бойся – я-то все по тебе прочту, все из тебя добуду. – Теперь она снова смотрела на Странную Птицу, и последние слова предназначались именно ей. – Даже пойму, кто это там спрятался за твоими глазками. Кто из них смотрит. Я-то вижу, там кто-то есть. И этот кто-то – не ты.

– Могу я. Могу я?..

– Не-а, Чарли Икс, не можешь, и мне плевать, что там у тебя за вопрос.

– Награда! Наг...гр-р...града...

– Награда-а-а? – Растянув с издевкой последнюю «а», Морокунья рассмеялась – будто колокольчики зазвенели, и даже Странная Птица, трепещущая на столе, расценила этот смех как предупреждение.

– Птица – невидимка. Сидела на дереве. Слилась с деревом. Чарли Икс видел, птица – пропала. Сбежала. Но Чарли Икс пошел. Выследил. Принес. Награда?

Морокунья грациозно повернулась лицом к Чарли, вытянула руку – и перерезала ему горло припрятанным в рукавчике ножом. И вновь застыла – недвижимая, как статуэтка.

Чарли Икс пошатнулся, удержал равновесие, рефлекторно схватился рукой за шею.

Лица детишек обратились к нему. Маленькие голодранцы взволнованно защебетали на языке, которого Странная Птица не знала. Возможно, то была бессмыслица, тарабарщина. Их не испугал поступок Морокуньи, не удивил чрезмерно – видимо, такое происходило не раз.

Кровь не текла из горла Чарли Икса – вместо нее наружу хлынул поток крошечных мышек. Странная Птица увидела, как грызуны зашивают порез изнутри, сдерживают своими маленькими зубками. Чарли Икс булькал горлом и все пытался выпрямиться, слепо шаря по столу. Рука, мазнувшая по каменной столешнице, зацепила крыло Птицы.

– Знай свой шесток, Чарли Икс. Ты мне не ученик. Ты приносишь мне всякое, а я за это позволяю тебе жить презренным ктенизидом³ в своем маленьком царстве и не докучаю тебе сверх меры. Но на этом – все. И я тебе ничем не обязана.

Чарли Икс явно уже пожалел, что попросил награду, – рана срослась, но мышцы лезли ему в рот, назад в свое логово.

– Ты мне не ученик, – повторила Морокунья, кивая на детей. – Ты уже не молод. Ты – наполовину нетопырь.

– Я молод! – булькнул Чарли Икс, но не смог опровергнуть второй довод.

Но она щелкнула пальцами, и дети бросились к нему, все еще занятому собственной реконструкцией, и подняли его, борющегося, и вынесли, как живой гроб, держа поверх своих голов, на плечах. Море ребятишек излилось из обсерватории через дальнюю сводчатую арку, неся Чарли назад к люку. Пусть сидит там тихо и догрызает остатки недавней добычи.

Конечно, Странная Птица верила, что нет места хуже, чем Лаборатория или камера в тюрьме Старика, но красота и таинственность планет, вращающихся над ней, не могли сбить ее с толку. Она поняла, что угодила в такое место, о котором Санджи сказала бы – «своего рода ад».

А голова синего лиса на стене тем временем бесстрастно взирала вниз, светясь, точно лампа, потому что Морокунья превратила ее в лампу, но не дала ей милости забыть, чем она стала, и когда Странная Птица посмотрела на все еще живую лису, то поняла, что Морокунья не убьет ее. Что ее ждет кое-что похуже.

* * *

Все разобщилося и куда-то поплыло. Пристальный взгляд Морокуньи внушал, что уж не быть Птице птицей вскорости – и внушение это опустошило еще до того, как ее коснулись лезвия. До того, как создания-агенты Морокуньи зарылись в ее плоть и свернулись внутри ее тела калачиками. Как она тосковала теперь по дням, проведенным в подземной темнице, и по ночам, разделенным с маленькими лисами. То время казалось теперь идиллией, как если бы тюрьма Старика была спасительным прибежищем.

Дети с мертвыми глазами сомкнули тесные ряды, охочие до зрелища. Всю их энергию и все их намерения Морокунья собрала в пучок и завязала в узел. В узел связи, по которому происходила ее собственная энергия. В узел почти что семейной связи.

– Айседора, ты такая красивая, – сказал Старик, но она не могла разглядеть ни его лица, ни лица Санджи. Она не могла понять, что он говорит, кроме того, что теперь вместо него вещала Морокунья.

– Ты прелестная штучка, – говорила она. – Но совершенству и пользе предела нет.

– Мое семя – твоё семя, – сказала Странная Птица. Санджи что-то говорила ей. Во сне или в Лаборатории. Но она не могла вспомнить.

Морокунья даже не замешкалась.

³ Ктенизид – паук, загораживающий собственным брюшком маскировочной окраски проход в вырытую им подземную ловушку. На английском – trapdoor spider (дословно – «паук-лазейка»).

– Может, так оно и есть, может, этак. Из нас двоих именно ты преобразуешься. Безо всяких обезболивающих. Но ты – сотворенная вещь, а я – нет, так что тебе допинг не нужен – ты и сама найдешь способы заглушить боль. Интересно, понимаешь ли ты, что я говорю, или у тебя мозги как у кукушки в механических часах? Должна понять. Я-то за тебя – не смогу.

– Одна из – в пустыне, другая у моря. Одна в бору, другая – на болоте. – Лаборатория. Процесс изучения. Ее, Птицы.

– И одна – на столе, и готова к работе, – добавила Морокунья.

По ее взгляду, если не по словам, Странная Птица все поняла. То был взгляд, которым Санджи одаривала ее и других в Лаборатории, прежде чем добавить, отнять, разделить или умножить. Как если бы математизация всех этих действий могла сделать их абстрактными, не подразумевающими вмешательство в плоть и кровь.

Уж в этот раз ей не оправиться. Не сбежать из обсерватории, оставшись самой собой.

* * *

Боль была острой, точно нож, и всепронзающей – как если бы каждый голодранец из свиты Морокуньи зажженной спичкой подпалил каждое ее перо. Как если бы каждое перо стало шилом, протыкающим тело. И даже так не выходило описать агонию, что охватывала ее, когда Морокунья отнимала крылья, ломала хребет, удаляла одну за другой кости... и при том – оставляла ее живой, корчащейся, бесформенной на каменном столе, все еще способной видеть – и потому видящей, как собственные незаменимые клочки летят по закоулочкам. Ей даже клюва не оставили – теперь она дышала через астматически свистящую щель.

Она чувствовала, как напряжение накатывает и отступает волнами. Дети обсерватории одобрительно галдели и ухмылялись – оттягивали напряженные губы очень по-звериному и зубовным блеском затмевали небеса наверху; а потом вдруг все как один затихали, взирая на очередной хирургический фокус Морокуньи – и тогда тишина оглушала Странную Птицу, чьей плоти становилось все меньше. Морокунья зверствовала, но при этом действовала столь уверенно, столь отточенно, столь *клинически*, что у Птицы даже не было возможности умереть от шока – освежеванной, перекроенной.

– Всякая тварь, – звучал где-то далеко и расплывчато голос Морокуньи, – созданная природой либо же технологией, несет на себе оттиск. Порой даже не один. Оттиск создателей своих, увековечивающий их намерения. Намеренно ли, нет – те оттиски несут в себе послание, и если прочесть его, то... о, что у нас тут? Вторая скрипка вмешивается, перекрывает партию – лишняя! Один момент, сейчас я сделаю ее потише... о да, готово. Что ж, как я уже говорила – хотя сомневаюсь, что кто-то из ныне присутствующих сможет меня понять, – без перебивки оттиска операция не пройдет успешно. Но сначала нужно все тщательно прочитать, найти все дорожки. Вот эта вот *птица*... да какая это птица! В ней и головоногий кальмар, и даже хомо сапиенс собственной персоной. У нее неслабо развита маскировочная способность – как на физическом, так и на органическом уровне. Так во что же мне обратить эту тварь? Во что-то полезное лично для меня, несомненно. У кого-нибудь есть предположения? Предположений нет, как и ожидалось. Но погодите – вот вы взберетесь на этот стол и все сами увидите...

* * *

А потом настал такой момент, когда Странная Птица, распятая на столе, перекроенная сверху донизу, нашла-таки способ заглушить боль – в каждом отъятom от нее фрагменте. На нее волнами накатывал смех голодранцев. Разнимавшие Птицу руки Морокуньи опустились, и даже маленькие невинные создания, всякие паучки и черви, запущенные в тело пленницы, дабы упростить преобразование, унялись. Исчезло все – в конце концов остались только голова

лиса на стене, благожелательно глядящая на нее сверху вниз, источающая тот неувядающий вечный синеватый свет, да агония, да чудо-компас, все еще живой, тайно пульсировавший и старательно скрывающийся от пытливой Морокуньи. Пульсировавший для нее одной, дико зудевший – и все же одним своим присутствием дававший понять, что она до сих пор жива. Маяк, зовущий на юго-восток – вот во что превратился компас в ее сознании. Но сама она последовать зову не могла – видимо, юго-восток должен был проследовать к ней. Пульс компаса был пульсом разума Странной Птицы, биением ее сердца, трепетом того живого, что еще осталось в ее теле. Все это спасало Странную Птицу, пусть даже птицей она и перестала быть. Маяк, означавший нечто отличное от плоти, все еще жил в ней.

Как говорила Санджи, ее надзирательница и подруга:

– Нет ничего постыдного в том, чтобы сгнуться во мрак. Нет ничего постыдного в том, чтобы на время сдаться.

Как говорил Старик, чей труп остался снаружи:

– Теперь я – обитатель тьмы. Здесь живу, здесь умираю, здесь опять-таки живу.

Даже оставшись без своих крыльев, Птица, в новообретенной протяженно-сплюснутой форме, занимала весь стол. Тянулся за часом час. Голодранцы разбежались – им наскучило ожидание. Остались только Лис и Морокунья. У Лиса особого выбора, впрочем, не было.

Морокунья утерла трудовой пот с лица и смерила взглядом новое творение, взиравшее в ответ глазами, скрытыми среди переливчатых перьев, глотавшее воздух перемещенным на изнанку рыбьим ртом.

– Когда отойдешь от шока – будешь моим выходным плащом, – сказала она. – И когда я буду носить тебя, плащик-невидимка, никто и знать не будет, как близко я подошла. Может, ты сама и не разделяешь мои чувства, но лично я безумно рада обновке. Не отчаивайся перед лицом перемен – за них мы всегда платим. Кто-то меньше, как я, кто-то больше, как ты.

Нечто на каменном столе обвисло – безвольное и недвижимое. Оно уже обрело цвет и текстуру, присущие ему. Нечто на столе внимало позывным маяка, считывало ритм и ждало.

Куда стремиться? На что надеяться? Где обрести покой?

Четвертый сон

В четвертом сне Санджи – птица, и она летит рядом со Странной Птицей высоко над землей, где не заметны и не ощущаются боль и отчаяние. Как птица Санджи, может быть, не прямо-таки Странная, но причудливая – уж точно: гобелен ее плоти соткан из множества самых разных животных, крылатых и бескрылых. Но все-таки – Санджи летит!

А Странная Птица теперь сделана из воздуха, а не из плоти. Она наслаждается своей воздушностью, упивается ей, ее порыв незрим и исполнен торжества. Она задается вопросом, почему Санджи избрала птичье обличье. Ведь могла бы запросто стать ветром. Стать ничем.

В этом сне Странная Птица задерживается надолго. Так долго, как только возможно.

Плащ и время

Удивительно, но Чарли Иксу она полюбилась. Ему нравилось пробегаться грубыми пальцами по ее оперению – в те моменты, когда Морокунья, как Чарли полагал, не видела. По его касаниям Странная Птица многое узнавала о своей нынешней форме – иные части ее тела сделались безответными, немыми, и только руки человека с головой нетопыря могли теперь помочь понять, что с ними стало.

– Мягкая, – бубнил Чарли Икс, будто не встречавший ничего мягкого доселе. – Очень красивая. – Он восхищался ей как собственным созданием, но ведь все, что он сделал, – убил и обглодал Старика, а Птицу изловил и принес в подарок существу еще более чудовищному, чем он сам.

Морокунья частенько перерезала Чарли Иксу горло, но он возвращался снова и снова, и Птица все сильнее свыкалась с ним, все больше на него полагалась. Она потеряла счет его бессмысленным экзекуциям и не знала, сколько раз из его горла лезли мыши, но от нее никак не укрылось, что руки Чарли с каждым разом дрожат все сильнее, а безумная тоска, что ранее читалась лишь в глазах, сказала и на изуродованном его лице.

Странная Птица ненавидела его касания. То, что он дал ей прочувствовать, он же у нее и отнял стократ, а ответить чем-либо она не могла. Теперь она была как Старик в люке – что-то внутри, что-то снаружи. Сбитая с толку, она кружила на одном месте, приходя раз за разом в исходную точку – без шанса на побег, но с возможностью одного.

Странная Птица не могла снова стать собой после всего того, что с ней сотворили. Она осталась без крыльев, и шок от такой утраты смягчался лишь тем, что Морокунья лишила ее широкого спектра чувств. Ее рот больше не годился для трелей – только для мелких суетных вдохов. Теперь ее глаза видели только то, что было над ней, когда Морокунья укладывала ее спать ночью, и то, что было над ней, когда вставало солнце, прежде чем Морокунья же снова поднимала ее.

Меж этих двух состояний не ведала Птица утешения настоящего сна, а лишь ныряла в болезненную полудрему. Она всегда чувствовала себя измученной и постоянно забывала про свои увечья – била крыльями, которых не было, посылая приступы дрожи через свое гладкое и тонкое бесформенное тело. На какое-то время осознание того, чем она стала, улетучивалось из ее памяти.

В одну из первых ужасных ночей Морокунья, сама не своя от гордости за себя, отдала плащ голодранцам, и с ним они бегали по обсерватории, держа живую реликвию высоко над головами, – как некогда держали Чарли Икса. Не оставалось места, которого бы не коснулись их грязные руки. Они тянули плащ в разные стороны, пробуя разорвать, пробовали пальцами провертеть в нем дырки и даже прокусить. По всему этому Странная Птица поняла, что свои сумасбродные ясли Морокунья использует для проверки своих творений на прочность.

Громко галдя, дети добежали до телескопа, накинули плащ на разбитое око линзы и стали качаться на свободно висящих концах. Потом – стянули вниз, оттащили в другое место, взяли за старое. Они вгрызались в него – совсем как мыши в Чарли Икса, но без мышиной деликатности. Они заворачивались в плащ вшестером по всей длине и ширине, и Морокунья смеялась, притворяясь, что не видит их ног и голов, торчащих наружу.

И вот Странная Птица снова увидела, как взметнулись в воздух жуки, влача следом за собой настоящую бурю. Два воздушных фронта, штормовой и жесткокрылый, схлестнулись, и первый разметал второй, и она была и первым, и вторым, хоть с виду и была преисполнена беззвучным покоем.

Надевала ли Морокунья плащ, накидывала ли капюшон – все причиняло Странной Птице боль, ведь она успевала позабыть, что у нее нет крыльев, нет балансира, который мог бы помочь

удержаться в здравом уме; напрочь выбивало из колеи чувство *растегнутости* – ощущение, говорящее, что она всего лишь кожа, скользящая по коже Морокуньи, что она – даже ниже неразумного зверя, даже меньше, чем ничто, просто поверхность без глубины, плоская водяная лужа, что испарится без остатка со временем.

– Мой плащ такой красивый, мой плащ такой полезный! – напевала Морокунья всякий раз, когда отнимала свое сокровище у голодранцев. – Я с ним свершу великие дела!

И Странная Птица всякий раз теряла дыхание, неспособная привыкнуть к постоянной иллюзии падения. Ее спасала лишь греза о том, что крылья ее стали капюшоном плаща – что она в любой момент способна разоблачить невидимую Морокунью, сломать иллюзию, разъяв покров ее августейшей главы... или же попросту закутать лицо своей владелицы так туго, что та задохнется.

Жизнь в такой близости от той, что уничтожила ее, не поддавалась описанию – всякий миг был исполнен напряжения. Не передать словами, каково это было – чувствовать дыхание и напряжение мышц стана своей губительницы, чувствовать касание гибких пальцев к ткани, сделанной из оперения Странной Птицы и из самой ее жизни. Прикосновения Морокуньи, управляющие и одергивающие, были даже хуже неловких касаний Чарли Икса. Но что было совсем плохо – постоянный зуд, сопровождавший неподвластное Птице более видоизменение окраски перьев в соответствии с окружающим ее губительницу ландшафтом.

Компас Морокуньи

Не только у Странной Птицы был направляющий компас внутри; имелся таковой и у Морокуньи. Понимание пришло не сразу, а по прошествии недель, месяцев, лет. Ибо теперь Птице ничто не давалось легко и быстро.

На географическом Севере царствовал Великий Медведь Морд, конкурент Морокуньи за контроль над городом. На географическом Юге располагалось здание Компании – место, которое Странная Птица знала как своего рода Лабораторию, намного превосходящую ту, из которой сбежала. На Западе ютились в сердце обсерватории голодранцы, а на Востоке жили двое – мусорщица Рахиль и еще один противник Морокуньи, некто Вик. Рахиль трудилась не то на пару с Виком, не то в непосредственном подчинении ему, и Вик, как и Морокунья, тоже создавал живые существа и использовал их для обмена на разного рода добро.

Завернувшись в Странную Птицу, чтобы проشمгнуть мимо своих же соглядатаев, Морокунья тайно встречалась с Виком возле обсерватории. Иногда она предостерегала его, иногда – приказывала или пыталась как-то еще оказать на него влияние. Вик сговорчивостью никогда не отличался – такой же скользкий, как Морокунья, худой бледный человечек, тоже в своем роде – лишь наружность, но не суть.

– Помни, какую страшную боль могу я на тебя навлечь, – говорила Морокунья. Птица в такие моменты удивлялась, почему же она только грозит болью, но никогда не навлекает ее на Вика, во исполнение слов своих. Лишь со временем поняла она, что и Вик, должно быть, посвоему грозен – но к тому часу Странной Птице было уже все равно, потому что вокруг нее все мало-помалу разваливалось, угасало.

Морокунья тайно следила за Виком и Рахилью со своей любимой позиции под утесом, иссеченным изнутри жилищами, близ разлившейся грязной реки. Один раз Морокунья стояла там так долго, что даже Странная Птица насторожилась и вынырнула из круговорота сонного бреда. Морокунья вся напряглась, налилась силой. Вскоре, когда сгустились сумерки, Рахиль и Вик вышли на верхний балкон и затеяли спор. Морокунья тоже начала бормотать, спорить о чем-то сама с собой, и Птица поняла, что она вторит Виду и Рахили. Могла читать по губам, а слова произносила лишь для того, чтобы тверже их запомнить. Странная Птица не имела о Вике никакого четко сложившегося мнения, но ей нравилось, как держится Рахиль: собранно, обособленно, твердо.

В тот же день Морокунья предприняла вылазку во владения Морда, не в пример более рискованную – ибо под покровом плаща-невидимки она подступала почти вплотную к нему, грязному, грузному и непомерному зверю, пирующему на окровавленных останках. Стояла к нему так близко, что могла бы коснуться его, и ее собственные запахи маскировало зловоние пролитой крови. Стояла там, безмолвная и трепещущая от какой-то тайной нужды – в гибели, в опасности? – когда он вздымался громадой, способный всякую простую душу повергнуть в панический бег, насылавший необоримый страх смерти. Но Морокунья простой душой никак не была и потому – лишь испускала дрожащий вздох, проходивший волной через все ее тело.

В отношении Морда она была методична – изучала его привычки по мере того, как тот становился больше и безумнее. Она ступала за ним до самого здания Компании, которое он продолжал стеречь, и наблюдала за напряженным общением между теми, кто был внутри, и медведем-колоссом снаружи.

– Недолго им осталось, – торжествующе ворковала она, возвращаясь в обсерваторию по окончании очередной вылазки. – Медведь стал слишком кровожадным, а они – слишком неудачниками. Надобно поддать им огня. Когда кругом воцарится хаос, я стану воплощением порядка.

Морд уже не интересовался Странной Птицей – столько месяцев (или лет?) прошло с тех пор, как она впервые увидела его. Теперь его полет больше походил на издевку в ее адрес – издевку, достойную Морокуньи. Непостижимость такого существа, как Морд, не могла уже ни вдохновить, ни впечатлить, ибо на Странную Птицу успело обрушиться столько всего, что некогда показалось бы небывалым. Поэтому она льнула к спине Морокуньи и осызала Морда только тогда, когда Морокунья уходила от него, и таким образом Морд стал для нее просто чем-то большим и непонятным, что по мере удаления становилось все меньше и меньше.

Чем бы Морокунья ни занималась – стояла ли на посту, обходила ли свои владения, – Странной Птице всегда приходилось смотреть в другую сторону, на горизонт, к которому та поворачивалась спиной. И часто Странная Птица чаяла, что смотрит в будущее, незнакомое Морокунье. Что из-за этого горизонта явится кто-то или что-то – и убьет ее. И нет разницы, порвут ли драгоценный плащ, чтобы добраться до тела, или нет – Птица прекрасно понимала, даже в нынешнем своем плачевном состоянии, что ее судьба неразрывно связана с судьбой губительницы.

Но неважно, когда это случится, совершенно неважно. Ведь Странная Птица более не хотела жить. Ну или не понимала, как будет жить дальше. В сущности – одно и то же.

Остров

Порой, в первые дни бесконечного отчаяния, Странная Птица пускала Старика в свое воображение: он полз по песку острова, служившего ей убежищем, к дереву. Случалось это либо когда Морокунья была занята, либо поздно ночью, когда плащ лежал на каменном столе и внимал приказам, что его хозяйка раздавала соглядатаям и подчиненным. Правда, иногда плащ вешали в темный чулан в тайных жилых покоях Морокуны глубоко под обсерваторией – и это было хуже всего.

Странная Птица позволяла Старика появляться перед ней, и он называл ее Айседорой, птицей-красавицей, и то, как он это говорил, настолько отличалось от холодных слов и речей Морокуны, что на мгновение Птица обретала ложное утешение и вспоминала, как лисицы с дюн смотрели вниз, в ее тюрьму. А потом – видела как Чарли Икс тащит Старика под землю, слышала, как Старик признается в своей тайне – и понимала, что видение было не более чем слабостью с ее стороны.

– Слабость может быть силой, – говорила Санджи, но Странная Птица не верила ей. Не *такая* слабость, когда собственное «я» растворяется, а дней связующая нить рвется. Санджи вообще теперь частенько заговаривала с ней, и Странная Птица, потерянная в своих мыслях, отступала к лабораторному островку деревьев, окруженному рвом с крокодилами. Усевшись на ветку рядом с ней, Санджи всегда первая начинала разговор.

Остров тоже был слабостью. Но пусть даже Птица никогда не покидала своего насеста и никогда не срывалась в полет – на острове у нее были крылья. И здесь ни Морокунья, ни Старик, нарекавший ее Айседорой, ничего не могли возразить против этого.

Странная Птица часто размышляла о последних изменениях, которые ученые внесли в ее организм перед тем, как она покинула Лабораторию. Потому что лучше думать о них, чем о том, что Морокунья учинила с ней.

– Я, как и ты сама, могу лишь гадать, – ответила Санджи, хотя Странная Птица даже не успела задать вопрос. – Может, я дала тебе карту Лаборатории. А может, вложила компас в твои цепкие птичьи когти. Я хотела, чтобы сбежала хоть ты, ведь сама – не могла.

Странная Птица этому не поверила. Санджи могла сбежать в любой момент, как и та ее подруга.

– Как? Я-то летать не умела.

Приступ паники охватил Птицу, и она чуть не захлопала крыльями на своем насесте – устранившись разом и того, что у нее может получиться, и того, что если получится – сойдет с ума. Больше не вернется ни на этот насест, ни на какой бы то ни было другой, и нырнет в воды неба, в воды ночи, и растворится в них без остатка.

А Санджи сказала:

– Ты могла бы пролететь над всеми этими бедствиями, разрушениями, загрязненными зонами. Ты могла бы пролететь над ними, пережить их – и попасть в какое-нибудь место, что всяко лучше этого. – Даже будучи призраком, Санджи не утратила небрежности в голосе.

Может быть, и впрямь есть место лучше? Здесь, внутри грез? Порой Санджи брала ее в лабораторный сад, навестить росшую там яблоню, но путь туда неизменно пролегал чрез бойню, так что сады, несмотря на весь их покой и уют, были окрашены в кровавый цвет – сам их образ тонул в разбрызганном алом, делаясь неразличимым для Птицы. Как тогда Санджи удавалось водить ее по садам? Как Санджи не замечала, что с ней при этом происходит?

– Ну что с меня взять? – спросила Санджи, возведя очи горе. – Со мной все кончено было. Слишком поздно. Я вложила в тебя слишком много себя. И я не могла наладить связь со своими спутниками – они все пропали. У меня не было иного выбора, кроме как доверить себя тебе.

По этой речи Странная Птица поняла, что настоящая Санджи, Санджи-из-Лаборатории – мертва, верней всего, мертва уже много месяцев. Время для Птицы теперь двигалось столь по-другому, что она не могла сказать, вела ли эти воображаемые беседы пару часов спустя преображающей операции Морокуньи, или прошло уже много лет. Поэтому вполне вероятно, что Санджи умерла давным-давно, в незапамятные времена.

Здесь не было даже намека на солнечный свет, что золотил бы дюны. Было лишь то, что хотелось позабыть. Например, число хирургических вмешательств Морокуньи с момента пленения. Три или четыре? Чтобы сделать плащ идеальным. Чтобы сделать *ее* идеальной. Так сколько же? Пять, шесть, семь?

Сидя на насесте на своем острове, не запертая более в четырех стеклянных стенах и одной лишь водой, бесконечной, как мир, окруженная, Странная Птица иногда притворялась, что знает.

Иногда она желала увидеть в мыслях лица детей-голодранцев, кучкующихся у стола с каменной столешницей, где проводились операции. Желала найти пускай не тень сочувствия в их глазах, но память о самой себе прежней – они-то все видели ее преображение с начала до конца. Если бы нашла – уверилась бы, что кто-то, кроме Морокуньи, помнил ее не просто как ворох бесформенной плоти со спрятанным в недрах передатчиком-маяком, который то ли по недосмотру, то ли по какой-то еще безвестной причине Морокунья так и не нашла, так и не загнушила.

Сколько было времени? Пора Морокунье вынуть ее из шкафа и вынести в мир.

– Ты – лучшая из нас, – сказала Санджи. – Ты лучше всех нас. Я позаботилась об этом. Я знаю, что путь долог, и я знаю, что он будет опасен, и ты будешь бояться. Но ты должна не сдаваться и лететь дальше.

Последнее, что Санджи сказала ей в Лаборатории. Самое последнее. Самое страшное – перед приходом незваных гостей.

– Уходи, – приказала Странная Птица Санджи, и женщина исчезла с ветки.

Но светящаяся синим лисья голова осталась висеть в воздухе, повернувшись к ней.

Странную Птицу удивляло, что голова эта никогда не меняла положения, лишь только свирепо скалилась и не подчинялась ее воле – совсем как настоящая, будто бы и не мираж. В иные дни одна только тайна синего лиса и занимала ее мысли в том ворохе спутанных времен – во внутренней вселенной, где она настолько была отчуждена от самой себя, что, по сути, и не существовала вовсе, желая попутно, чтобы и другие не существовали тоже.

Но наступало другое утро, а за ним – другая ночь, и Птица снова делалась защитным покровом и тайной Морокуньи. Они снова тайком пробирались в город, и в худшие (а может, лучшие?) дни все вставало на свои места: она вспоминала, сколько лет прошло с момента утраты ею крыльев, и беззвучно кричала, моля бога, в коего экспериментаторы Лаборатории не верили, дать ей шанс вернуться туда, где никакого времени нет. Того бога, к коему, тем не менее, взывал капеллан Лаборатории, освящая эксперименты, – как будто это имело значение для Странной Птицы! Сам факт существования Лаборатории мог допустить лишь бог-монстр, очень жестокий и темный бог.

* * *

Пролетело еще несколько лет, большая часть которых прошла на острове, и желание уйти из жизни, с которым она не могла справиться, привело ее далеко в прошлое – в безумие минувшего, в места еще более худшие.

Ей довелось увидеть, как армия Морокуньи обрела мощь, и как однажды Морокунья предала Чарли Икса – да так, что даже мыши не смогли спасти его, и он умер в пустошах, у старого колодца, и его труп остался валяться лицом к небу – абсурдно ничтожный вдалеке от

своего логова-западни. Мышки в конце концов покинули тело Чарли и скрылись в высокой траве – с такой прытью, что Птица даже удивилась: и почему они только не сбежали раньше, что связывало их жизни с существованием Чарли?

Она испытала тот же ужас, что и Морокунья, когда Компания создала псевдо-Мордов – медведей обычного размера, что выглядели совсем как он и были такими же агрессивными и сильными. Разве что летать не умели. Как мало времени понадобилось Морокунье, чтобы и на них найти свою управу! Птица чувствовала, что ее губительница питает к Компании – или к ее пережиткам, раз уж на то пошло, – нечто среднее между любовью и ненавистью. Птица понимала – Морокунья сделает все, чтобы захватить город. Рискнет чем угодно, ибо такова ее судьба, в том она правомочна, пусть даже и лишь в своем представлении. Птица замечала, что в своей одержимости захватом власти в городе Морокунья беспросветно одинока, пусть даже на ее стороне и выступали многие.

К тому времени передатчик-маяк внутри Птицы почти не давал сигнала, его пульс стал нитевидным, прерывистым. Порой Птица пробуждалась ослепшей, и лишь только подкожные инъекции неизвестных веществ, которые делала Морокунья, приводили ее в шаткую норму. Она почти забыла, зачем ей этот маячок. Когда-то компас тянул ее на юго-восток, но и о том Птица уже не помнила.

Наконец настало время, когда она оттринула себя настолько, что даже покой сделался непереносимым. И только слабое биение напоминало о существовании маячка, связывая ее с какой-то другой жизнью, но она даже жалела, что ее губительница не извлекла маячок сей на самом начальном этапе ее перекройки.

Синий Лис

И все-таки. Все-таки. На том не кончилась ни ее история, ни даже ее жизнь. Пришел час, и Странная Птица услышала в своей голове суетливый перестук быстрых лап.

Знаком был запах. Знаком был и зов, обращенный к ней, к ее внутреннему компасу – тлеющему, как лучина, медленно остывающему. Деревья на острове перевелись, он оброс со всех сторон коркой льда и лежал теперь не в океане, а посреди огромной шахматной доски. Звери, занявшие позиции на клетках, тоже оледенели. Даже неприхотливых крокодилов – и тех сковала морозная агония.

Память теперь подводила Странную Птицу. Она больше не могла живо вообразить Санджи. Старик на пару с Чарли Иксом крался по дальней теневой стороне острова. И Птица не могла удержать этих двоих от приближения.

Но откуда-то издалека продолжали доноситься такие звуки, будто кто-то роет землю и царапает что-то твердое когтями. Голова Синего Лиса, точно солнце, парила над островом, и взирала милостиво сверху вниз, и дарила свет – едва ли производимый ею самой по себе. Что в голове той было нового? На самом дне глаз Лиса виднелась стая совсем других лис, весьма похожих на тех, что обитали в дюнах позади тюрьмы Старика.

Синий Лис влаивал, повизгивал. Его речь не отличалась членораздельностью, но суть Странная Птица все равно уловила.

Помочь мы тебе не сможем. Но если хочешь – будем следить за тобой, пока компас еще работает. Он перестанет посылать сигналы, когда ты умрешь. А ты сейчас – на грани смерти.

Вместе с этим посланием Птица получила галерею образов, по которой ей пришлось проскользнуть, чтобы узнать, как проходила лисья борьба с Компанией, как был спланирован и осуществлен побег, как лисы навещали город и спасались бегством от Морокуньи. Чтобы эту мозаику сложить, потребовалось время.

Понимаешь теперь?

Той лунной ночью в тюрьме Старика Странная Птица пустила их в свой разум, но на самом деле они никуда не уходили. Значит, следить – следили, а помочь не могли. Ну и какой от них прок? Никто не мог ей помочь... но, возможно, простого наблюдения было достаточно – ведь они сказали, что при поддержке связи с ее стороны всегда смогут отыскать ее. И если она пустит их в свое сознание – сигнал окрепнет. *Не умирай*, голосили лисы, *пусти же нас*.

– Да, – ответила Птица. – Да, я поняла. – Тут осознала она, что кое-что хорошее, кое-что сокровенное все же задержалось в ее памяти – образ лис, играющих в дюнах.

И тогда ледяная корка, сковавшая остров, растаяла, Чарли Икс и Старик отступили, а клетки шахматной доски с мрачными фигурами погрузились в океан. Синий Лис улыбался ей с небес, согревая замученную пропащую птичью душу.

Когда Морокунья начала осуществлять свои воинственные планы по захвату города, Странная Птица чувствовала лис неподалеку, заселивших заново здешние руины. Незримые пушистые инсургенты замыслили что-то в пустыне и сновали с довольным твяканьем тут и там – потому что это было весело, и они были свободны. Своим танцем они рассказывали о городе и об его освобождении. О том, что не дари им борьба эту свирепую радость, они бы жались друг к другу в страхах и сомнениях.

Птица поверила им, когда увидела, как Морокунья в битве с армиями Морда однажды проиграла – и даже лишилась базы-обсерватории. Она отступила под землю и принялась за переработку верных голодранцев в устрашающих монстров-солдат – переработку жестокую и безрассудную. Но войско Морда состояло из хищников, чьи намерения были несомненны, чья

кровожадность не подлежала обузданию. В стремлении искоренить новых мутантов на службе у Морокуньи они были на редкость методичны – пожирали даже трупы, дабы добыть питательные вещества из мозговых костей.

Морокунья тогда замкнулась, посуровела, ушла куда-то в себя, сделалась непривычно подозрительной. Со своим плащом за плечами она металась от места к месту, не обременяясь даже быстрыми сборами, и никогда не оставалась на ночлег в одном и том же месте.

Она все чаще разговаривала со Странной Птицей, не ведая, что та предает ее одним только своим существованием.

– Их чудовище бродит по городу, сеет хаос, но я позволю Морду разобраться с ним. Их чудовище молодо и знает так мало. – Странная Птица знала, что речь шла о так называемом «творении Вика», о Борне, о том, кого Рахиль держала рядом, о существе, что могло менять форму и размер, заставляя Морокунью относиться подозрительно даже к самым доверенным помощникам среди детей. Теперь она устраивала им дотошные проверки перед аудиенциями и даже порой колебалась, прежде чем надеть свой живой плащ.

– Морд, верно, устал, и не столь прям, как раньше. Я одолею его, просто переждав, – говорила Морокунья, и по ее озадаченному тону Странная Птица понимала, что Компания, а вовсе не Морокунья, лишила Морда способности летать, и что его опустившийся до земли и к ней отныне привязанный гнев обращен вовсе не к тому врагу.

– Они никогда не покинут Балконные Утесы без толчка, – говорила она, и Странная Птица знала, что Морокунью беспокоит редут, возведенный Виком, поэтому ее несколько не удивил следующий шаг губительницы – та попросту выдала армиям Морда местоположение редута, и тот был разрушен.

– Когда всему этому придет конец, я восстановлю город в неслыханном великолепии. Парки, школы, библиотеки, продуктовые магазины... все, что должно быть в городе – будет, – грезила вслух Морокунья, но Странная Птица не слушала ее. Пусть голодранцы слушают – их это, может, и вдохновит. Эта картина мира предназначалась им, тогда как на самом деле мысли Морокуньи занимали мертвые черви, живые пауки и столь изобильные горы трупов, что Чарли Иксу и не снились.

Странная Птица к тому времени превратилась в грязную старую тряпку, накинутую на плечи Морокуньи, но даже в качестве тряпки ее нельзя было убедить в добре или милосердии со стороны той, что носила ее.

Теперь Морокунья оставляла за собой груды черепов и сожженные тела, и измененные дети, которые когда-то следовали за ней из-за экстатической жажды крови и убийственной радости, теперь повиновались из страха – и Морокунью это устраивало.

Крайние дни

И тут случилось нечто такое, что смутило Странную Птицу. Несмотря на отчаянную надежду, принесенную ей лисами, она чувствовала себя бесконечно уставшей, измученной и выдохшейся. Она прошла через слишком многое. Продолжала терпеть сверх того, что могло бы вынести любое живое существо. Она плохо видела, плохо слышала, плохо обоняла. В ее голове жило лишь эхо голосов, и она надеялась, что хотя бы некоторые из них принадлежат пекущемуся о ней лисам.

Поэтому Странная Птица лишь ощутила, как в одну секунду тело Морокуньи ослабло, а уже в следующую – налилось стальным напряжением, отвердело так, что ей, должно быть, было больно от застывших мышц в плечах. От травмы, конечно, но больше – от шока. Потом был бешеный полет, бег вниз по лестнице через туннели и холод подземелья, сквозь темноту. Она ни с кем не разговаривала, поскольку спешила, да и не с кем было говорить. Вероятнее всего, все голодранцы исчезли или спрятались, а может, и вовсе разбиты, и кругом одни лишь подобиya Морда.

После этого они отправились на юг, сообщил Странной Птице маяк внутри. На юг и еще раз на юг, так что она знала, что их целью должно быть здание Компании, в то время как лисы тянули за потрепанные края, призывая ее проснуться, чтобы маяк пульсировал сильнее. Даже несмотря на то, что первоначальный всплеск надежды угас вместе с ее здоровьем, и это все меньше и меньше волновало ее, запертую в ее собственном мозгу, и она парила, парила в дымке, ожидая, что скоро ее вынесет на склон холма рядом с Чарли Икс и, возможно, будет ей это даже в радость.

Дважды Морокунья приближалась к зданию Компании – и дважды бежала от псевдо-Мордов, пытавшихся оттеснить ее на север или запад, прочь из города. Их зловоние даже от Странной Птицы с ее угасающими чувствами не укрывалось. Псевдо-Морды чуяли малейшие запахи с той же легкостью, с какой источали смрад, и поэтому, видимо, Морокунья натерла лицо грязью, а сапоги – трупным жиром, а потом и вовсе сбросила их.

Но все же каким-то образом они нашли ее, потому что у нее был маяк на спине. Они выскочили из руин и завалов на песке и бросились на Странную Птицу, и та, будучи лишь пассажиром, ничего не могла сделать, кроме как принять удар их когтей, прежде чем прыгнула в сторону Морокунья – задетая, раненая, но не смертельно.

Да, Странная Птица приняла на себя основной урон. Но разве страшно тому, кто и так полностью уничтожен, быть разорванным, располосованным? Ее так часто рвали раньше, и так часто она не могла убежать, так часто оставалось лишь терпеть, принимать как должное – и сейчас она не паниковала, не замечала даже боли.

Под прикрытием заброшенного сооружения, предназначение которого было потеряно во времени и песках, Морокунья отдыхала, хрипя от гнева и проклиная свое невезение. Она разглагольствовала о том, как неприлично хороши эти медведи во всем, что касается слежки, не ведая, что именно лисы направили псевдо-Мордов и подсказали, где ее искать.

Войско Морда преследовало их всю ночь до самого рассвета, и Морокунью несколько не волновало, что из ее плаща на песок сочится кровь, что это может загубить ее маскировку. Ее заботили только ушибленные ребра и длинная неглубокая рана на спине, в том же месте, где и плащ был рассечен медвежьим когтем.

– Они думают, что поймали меня, – сказала Морокунья Странной Птице, зажатой меж ее спиной и стеной. – Но никто не знает здание Компании так, как я. Кроме Вика, и он тоже направляется туда. Если он выживет, я буду следить за ним и обшаривать его кармашки. Если нет, мы с тобой еще можем собраться и переждать.

Странная Птица ничего не ответила. Она существовала в чудном мире, где в течение нескольких часов видела и слышала только из вторых рук, где ее чувства были отключены.

Лисы служили ей глазами и ушами, поэтому она слышала речи Морокуньи именно как лиса, подкрадываясь близко. И видела тоже глазами лисы: Морокунья была невидима, и плащ ее был невидим, но мерцающее голубое пламя в верхней части капюшона, заметное лишь для лис, точно отмечало местоположение маяка Странной Птицы.

И она должна поддерживать это пламя. Должна. Она представляла его красным, ярким и трепещущим, но оказалось оно синим. Синим, как голова лиса на стене обсерватории.

И все же Морокунья двигалась вперед, презрев собственное изнеможение и дрянное состояние плаща. Она запутывала след и загоняла преследователей в расставленные ею силки – и неизменно возвращалась назад окольными тропами, будто рассчитывая на встречу с кем-то. Наконец, до здания Компании остался лишь час пути. Странная Птица ощутила растущее лисье беспокойство – что-то древнее, с трудом сдерживаемое и глубоко залегающее заставляло ее дрожать и сомневаться в том, хорошо ли она лис знает. Знает ли вообще.

Позади оставался горизонт, на чьем фоне творилось нечто ужасное для Морокуньи – ибо, обратив к нему лицо, она ахнула в страхе. Лисы не хотели, чтобы Странная Птица тоже это увидела, так что пришлось напрячься, выходя за их заслоны. Оказалось, Морд боролся с чудовищем, всяко достойным его.

– Есть только то, что впереди, – бросила Морокунья своему предателю-плащу.

Призрак Чарли Икса преследовал их обеих, и в это время его осиротевшие мыши все жаловались Странной Птице – на однообразие обязанностей, на прошедшие впустую многие лета преданности хозяину. Они, похоже, хотели, чтобы Птица им посочувствовала. Но Птице, уже долго служившей Морокунье, не было никакого дела до них и до их невзгод.

Когда стемнело, Чарли Икс наконец отступил, и Птица поняла, что разговаривавшие с ней мыши были совсем не теми, которых она знала. Туннели кишели жизнью, и эта жизнь была осязаема, хоть у Птицы и не было больше той чуткой всепроникающей сети, способной сличать любые следы.

Они сходили все глубже и глубже под здание Компании. Вниз, вниз и вниз. Поначалу Морокунья что-то ободряюще напевала себе под нос, но потом умолкла. Лисы тоже оставили Странную Птицу – остались лишь мрак, и рана, протянувшаяся через все ее тело, и осознание скорого конца. Больше она не продержится. Впереди, впотьмах, ждала Санджи, или призрак умершей Санджи, а может, это сама Странная Птица внушала себе, что пора на покой.

Последняя галерея образов, пришедших к ней из подземелья, несла в себе утраченный Эдем и золотистый миг, в котором птицы, подвластные лишь воздуху, ветру, но не чему-либо другому, застыли – на пике величественного полета. И как же Странная Птица завидовала им.

А потом – падение. Падение в здание Компании. Падение с островного насеста прямо в море: на миг почудилось, что крокодилов внизу больше нет, что опасность не грозит. И все, что остается, – просто упасть.

И она упала безвольной и бесформенной грудой в море, и волны сомкнулись вокруг в успокаивающем объятии, неся заботу, которой она никогда не знала. Море наполнило ее, но она сама осталась невесомой. Уже не чья-то часть и не чье-то видение – наконец-то сама по себе.

Было больно, потому что она знала, что так быть не может, что это какой-то обман.

Она – лишь поверхность. Она никогда не была птицей, бьющейся в стекло, а только самым оконным стеклом, и она больше не могла даже видеть себя.

И само Время не в силах это исправить.

Пятый сон

С дерева на острове облетела листва, а с костей крокодилов облезла вся живая плоть. Странная Птица, нахохлившись, сидела на мертвом островке, а перед ней простиралась дикая разоренная пустошь. Почти совсем заметенные песком, словно после миновавшего самума, тут и там лежали тела подопытных животных. Недвижимые – за исключением глаз. Синий Лис больше не светился. Везде, насколько хватало глаз, воцарилась тусклость.

Бескрылая, она застыла у иссохшего древесного ствола. Казалось, еще немного – и от него совсем ничего не останется. Лишившись самой памяти о своих крыльях, она наконец-то утратила их в полной мере.

– Мы отказались от всякой роскоши еще до того, как и следов ее не осталось – просто потому что знали, что однажды так будет, – говорила Санджи, сидя рядом с ней. – Мы знали, что настанут гораздо более трудные времена, если будем цепляться за роскошь до последней капли. Знали, что нам не выжить, и потому стали обходиться все меньшим и меньшим. И я не только о каких-то материальных благах... о многом другом – тоже. Мы начали воплощаться в том, что нас окружало.

– И во мне? – спросила Странная Птица.

– Да, и в тебе – тоже.

– Ты никогда не была добра и внимательна ко мне.

– Я старалась быть внимательной и доброй.

– Но на деле – была лишь жестокой.

– Вообрази себе: впереди – конец света. Вообрази, что есть кто-то очень дорогой тебе, но он – далеко, и тебе нужны плоды его работы. Представь, что надвигается тьма, а ты даже с тем дорогим тебе человеком поговорить не можешь. Ну да, у тебя есть половинка ключа от переговорного устройства – представь, как отчаянно и долго ты борешься за то, чтобы она сработала.

– Что это за компас внутри меня?

– Последний шанс. Последняя надежда. Что-то вроде песни, которую можешь спеть ты одна. Сокровенной песни.

– И куда мне пойти?

– Ты там уже была.

Они теперь находились не на острове, а в саду, среди яблонь. У ног – высокая трава, за спинами – бойня, и говорить совершенно не о чем.

На что надеяться?

Монстры сражались, и мир был залит огнем и дождем. А сама она была упрятана кем-то в мешок – раскачивалась вверх ногами вместе с маленьким человечком с лицом нетопыря в гробу с потайным люком в днище. На дереве. Рассекала воздух. Рассекала тьму.

Странная Птица нырнула в щедрое море, густое, теплое море, которое обвилось вокруг нее, успокаивая и питая, пока она плыла в его объятиях. Как хорошо было чувствовать себя невесомым. Не быть изношенным, не быть частью кого-то другого. Ибо по этому ощущению она также знала, что Морокунья, должно быть, изгнана или мертва.

Как хорошо просто плыть, скользить мимо всего вокруг, нестись по воле волн. Вместе с ней в гуще плавали и другие существа – но они ее не беспокоили. Даже черви, опутавшие ее длинной тонкой сетью, не чинили неудобств. Там, где они касались друг друга, исцелялась и восстанавливалась ее собственная плоть. Послышался журчащий звук, будто вода наполняла ванну, и она неуклонно поднималась все выше по мере того, как поднимался уровень воды.

Ее разум был чист, а чувства приглушены, как будто она долго и без кошмаров спала, и проснулась безо всякого будильника, в естественном порыве. Кстати, что такое будильник? Разве она когда-то им пользовалась?

Откуда-то сверху протянулся солнечный лучик, и она поняла, что на нее смотрят двое – встав по обе стороны. Смотрят без жестокости, но с тревогой. Не злые, но стремящиеся ей помочь. По лицам Рахили и Вика, а также по потолку над ними, Странная Птица поняла, что находится уже не в здании Компании, а на Балконных Утесах – в стане врагов ее врага.

Лоб Вика избородили порезы, а прозрачные глаза, делавшие его облик изможденным, покраснели из-за лопнувших сосудов. Рахиль была вся в грязи, в царапинах и ожогах. Что бы они ни пережили, этот опыт был мучительным. Но все, что они пережили, только что закончилось, и к тому же Странная Птица знала, что прошло не так уж много времени.

– Что это за штука? – Голос Рахили звучал угрюмо и приближался к Странной Птице словно с большой высоты, нисходил с невообразимых высот.

– Я бы спросил – чем эта штука не является? – Вик оторвался от разглядывания Птицы и повернулся к Рахили.

– Она может летать? – спросила та у него.

– У нее нет крыльев, – ответил Вик.

– А она кусается?

– Даже если и да – не есть же нам ее за это.

– По-моему, как-то раз ты сказал, что куда хуже съесть бомбу, чем радиопередатчик от бомбы. Может, покончим с ней? Вдруг – опасная?

– Нет. Просто очень уставшая, настороженная. Ей крепко досталось – как и всем нам. Она – уже не та, что прежде. И прежней ей уже никогда не стать.

Вик криво усмехнулся. Между ними промелькнуло что-то древнее, более древнее, чем Странная Птица, что-то, что она никогда не ощутила бы даже интуитивно, за чем могла лишь наблюдать. Что-то отложенное в долгий ящик, но потихоньку возвращающееся – хотя бы и потому, что рука Рахили лежала на плече Вика, как бы поддерживая.

– Можешь ее спасти? – спросила она у него. – Стоит ли?

Вик сделал загадочную мину. Наверное, решит, что живой плащ не стоит того, чтобы о нем беспокоиться. Наверняка ей пренебрегут. Как и раньше.

Он стал разворачивать ту часть Странной Птицы, что скомкалась. Расправил ее в гуще целебного бассейна. Его касание не чинило неудобств. Как славно, что свет здесь приглушен и не слепит! Уютная люминесценция напоминала ей о зиме за окном, о тепле огня в камине. Но разве она видела когда-либо зиму? Или, раз уж на то пошло, камин?

– Потрепанная, – заметила Рахиль. – За такую много не дадут. Посмотри на порезы, на вот этот разрыв посередине. Перья совсем бесцветные стали, не блестят уже. Не знаю, зачем я ее вообще забрала оттуда. Она уже тогда показалась мне мертвой.

Вик по-прежнему молчал, глядя на единственный здоровый глаз Странной Птицы, на тот хаос, который она теперь собой являла, размышляя и читая показания диагностических червей, все еще окутывавших Странную Птицу тонкой сетью.

Если бы только ты мог читать меня так, как темнокрылы! – посетовала Птица.

Рахиль, похоже, приняла молчание за отсутствие интереса, и, отвернувшись, сказала:

– Я могу просто выложить ее снаружи – дальше она сама как-нибудь справится. Или распороть на материю. Не суть важно, в общем-то. Поступай как знаешь.

Мелкая дрожь, легкая судорога покорила Вика. Невысказанная эмоция, сочувствие – он не смотрел на Рахиль, но и в ее взгляде, обращенном к нему, читалось участие женщины, знающей его так хорошо, что слова уже вроде как и не нужны.

– Морокунья носила эту бедную тварь как одежду, веришь ли? – спросил Вик. – Она ее в каком-то смысле создала. – Он смотрел с благоговением и отвращением на лице. – Я узнаю эти швы, эти метки. Только Морокунья могла сделать нечто подобное.

– А чем оно было раньше?

– Многокомпонентным гибридом. Но по внешней форме рискну предположить, что это была птица. Большая птица с переливчатыми крыльями. Большая-пребольшая – иначе бы на такой длинный плащ не хватило.

– Ты сказал «по внешней форме»... получается?..

– В ней слишком много от человека. Очень сложный гибрид, говорю же. Улучшенная нервная система – если покопаться, можно даже увидеть, где и как именно улучшенная. И не только в голове нейроны – в перьях тоже. Прозреваю геном головоногих. Вот почему она все еще способна думать – ее мозги равномерно распределены по всему телу. Не знаю, понимала ли это Морокунья.

– Так это... человек?

Вик кивнул, снова взявшись за Странную Птицу. Мягкие, спокойные руки – и там, где они касались ее, информация шла к Вику через кончики пальцев.

– Иногда создатель оставляет отпечаток. Вот его я и ищу.

– Как думаешь, для чего она была сделана? До того, как попала к Морокунье?

Вик пожал плечами.

– Остается лишь гадать. Назначений могло быть много. Прежде чем очутиться в руках у Морокуни, эта птица была своего рода системой рассева генетического материала. Должна была засеивать территории микроорганизмами в ходе своих полетов.

– А сейчас?

– Морокунья все это выбросила. И крылья ей отрезала. Удалила даже кости. – Наконец Вик убрал руки от Странной Птицы. – Но отпечаток значительно более информативный. Кто-то до Морокуни модифицировал этот организм. Прописал побольше человеческих функций – например способность принимать взвешенные решения. Весьма специфические. Обычно они равномерно подгружаются из разных источников, а здесь источник – один. И передавал он в том числе и личностные черты.

– Ничего не понимаю. Разве это важно?

– Важно? Ну, не ведаю. По крайней мере это интересно. Кто бы это ни сделал, это ему должно было сократить жизнь порядочно. Сильно ослабить – как минимум. Кажется, этому человеку было гораздо важнее продолжить существовать в этой новой форме.

Оба замолчали. Странная Птица разделяла усталость, отпечатавшуюся на их лицах. Безграничную усталость от кровопролитий и бессмысленных действий от лица порядка. От лица городского возрождения.

Она знала, что оставить ее у себя стоило этим двоим усилий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.